

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

«Отражение в древних исландских прядях реалий жизни скандинавских
обществ XI-XIII веков».

Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.04.01. Педагогическое образование
Направленность программы магистратуры
«Историческое образование»

Проверка на объем заимствований:
76 % авторского текста

Работа допущена к защите

«15» мая 2020 г.

зав. кафедрой всеобщей
истории Н.Б.В.
Виноградов Н.Б.

Выполнила:

Студентка группы

ОФ – 205 / 121-1-1

Генеберг Юлия Ивановна

Научный руководитель:

к.и.н., доцент кафедры всеобщей
истории

Горшков Горшков С.М.

Челябинск
2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Основные сферы жизни общества.....	15
1.1 Социально-экономические отношения в исландском обществе.....	15
1.2 Организация управления в Скандинавии и Исландии.....	22
Глава II. Скандинавская женщина.....	29
2.1 Положение женщины в скандинавском обществе.....	29
2.2 Образ женщины в прядях.....	40
Глава III. Духовная жизнь.....	51
3.1 Язычество у исландцев.....	51
3.2 Христианство у исландцев.....	58
3.3 Представления о чести и благородстве.....	64
Заключение.....	74
Библиографический список.....	78

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних десятилетий повседневная жизнь и культура средневековых скандинавских обществ привлекают большое внимание. В следствии этого перед историками возникает необходимость изучения данного вопроса, для формирования более полной картины существования скандинавского народа. Особенно ярко этот интерес проявляется в массовой культуре: книги, фильмы, популярные сериалы, культурой викингов вдохновляются композиторы и художники.

Проблема исторического сознания, отражённая в различных документах ушедших эпох, в том числе литературных, имеет общетеоретическое значение в системе гуманитарного знания, так как современный взгляд на историю человеческого общества переносит акцент с описания событий и институтов на объяснение архетипов поведения, тем самым создавая поиск особенностей восприятия действительности древних обществ.

Отсюда следует значение исследования в описанном направлении: ответив на вопрос, как древние общества воспринимали свою историю и самих себя в ней, мы сможем более объективно взглянуть на те формы отражения жизни, которые отражены в исторических источниках. Большой интерес представляет поиск ответа на вопрос о том, как люди ушедших эпох осмысливали себя и своё место в историческом процессе.

Скандинавские страны вступают на путь синтеза средневекового общества одними из последних в Западной Европе. Христианство встретилось с развитой языческой культурой. В скандинавских странах на протяжении всего средневековья большую роль играли институты родового строя и мировоззренческие установки, которые характерны для древнегерманского общества. В Исландии же не сложилось феодальных форм господства и зависимости, так как до 1262-1264 гг. сохранялась так называемая «эпоха народовластия». В условиях отсутствия центральной

власти монарха католическая церковь не могла контролировать духовное и культурное развитие общества. В результате Исландия создала уникальную для средневековой Европы литературу: эддическую поэзию, поэзию скальдов, королевские и родовые саги, исландские пряди.

Исландская культура восходит корнями к эпохе викингов, она развивалась под влиянием язычества, а позднее и христианства, но главная её особенность в том, что она не подверглась большим изменениям, сохранив при этом свою самобытность.

Древнеисландская литература – одна из богатейших и оригинальных средневековых европейских национальных литератур. Она сохранила и донесла до нас архаические жанры древнегерманской поэзии, практически исчезнувшие у всех других германских народов (кроме Англии), создала новые поэтические и прозаические жанры словесности, не имеющие аналогий, и включилась в общеевропейское литературное творчество – как религиозное, так и светское. Поэтому для историка она представляет высочайшую ценность.

Истоки исландской литературы восходят к традициям древнескандинавского фольклора. Её наиболее интересными образцами являются саги и пряди.

Сегодня существует множество трактовок термина «сага». Наибольший интерес для нас представляют две трактовки – М. И. Стеблина-Каменского и А. В. Циммерлинга.

М. И. Стеблин-Каменский считает, что сага – это всякое прозаическое повествование, и происходит от глагола «segja», что значит «говорить» или «рассказывать», и, следовательно, первоначальное значение этого слова – «рассказанное» [43, С.121]. Изначально, сагой считалось устное прозаическое повествование, но так как известные только письменные источники, их и стали называть сагами.

А. В. Циммерлинг же считает, что «...филологический термин «сага» относится к нарративным эпическим произведениям в прозе, сложившимся в

древней Исландии и континентальной Скандинавии в XIII-XV вв.» [2, С.7]. По его мнению, термин «сага» по отношению к литературным памятникам других эпох и культур является метафорой, оправданность которой задается степенью близости данных культур к древнескандинавской. В то же время внутри самой древнескандинавской культуры слово «сага» имеет и другие значения – «рассказ, предание», «рассказ о значительном событии» и даже «сами события, история» [3, С. 8-9].

Таким образом, термин «сага» можно трактовать как с позиции М. И. Стеблин-Каменского, так и А. В. Циммерлинга, так как обе трактовки дополняют друг друга.

М. И. Стеблин-Каменский выделяют следующие виды саг:

– «саги об исландцах», которые повествуют о жизни чуть ли всех граждан Исландии.

Особенностью «саг об исландцах» является то, что в них практически не говорится о личных переживаниях героя, его мыслей и чувств. В сагах отсутствует какое-либо рассуждение, лирическое отступление, умозаключение и мораль. О трагических событиях рассказывает также [43, С. 128].

Всё это объясняется тем, что такие произведения были написаны задолго до той эпохи, которая описана в них, второй момент, дословную и качественную записать может сделать профессиональный фольклорист, а такая запись стала возможно гораздо позже.

– «королевские саги», которые рассказывают об истории норвежского королевства;

– «семейные саги», посвященные родовым распрям;

– «епископские саги», повествующие о жизни епископов;

– «саги о древних временах», рассказывающие о легендарных временах, основанные на героических песнях и сказаниях [43, С.121].

Саги, несмотря на их достоверность и историчность, нередко рассказывают о фантастических событиях и такие саги называют «лживыми сагами» [43, С.121-122].

По мнению М. И. Стеблина-Каменского, в сагах сообщается больше фактов, чем это необходимо читателю, они рассказывают о всех подробностях быта, незначительных фактов из жизни героя.

Что же касается авторства, об этом практически не известно, лишь изредка переписчик может назвать автора.

Отличительной особенностью саг является географическая привязка. Географический фон, на котором развиваются события саги, – территории, в которые наведывали викинги: Британия, Франция, Италия, Византия, Русь.

Основанные на генеалогическом принципе, саги не содержат абсолютных дат. Временным стержнем, вокруг которого строится повествование, является жизнь персонажа или правление конунга, и потому время того или иного события определяется относительно его рождения, воцарения, смерти или какого-либо иного, важного для героя события.

Однако, сага разительно отличается от других родов эпоса своей стилистикой, изобразительными средствами, приближающими ее к романам. Если, например, иные произведения эпоса написаны таким языком, который сам по себе создает у читателей уверенность в существовании непреодолимой грани, которая отделяет изображаемый мир от привычного мира аудитории, то простой язык саги, точный, лишенный каких бы то ни было возвышенных красот, напротив, способствует стиранию этой грани. И, тем не менее, при всех оговорках, сага относится к эпосу.

Таким образом, саги – специфический скандинавский жанр прозы. В основе их сюжетов чаще всего лежат реальные события жизни правителей IX–XII веков, причем каждый значимый герой дан в саге на фоне его семейной генеалогии, а нередко и генеалогии родственников, что делает саги чрезвычайно важным источником по истории Исландии и Скандинавии. Историческая и географическая точность – один из основных признаков саг.

Вторым является чрезвычайная экономность языка: о деяниях героев, даже если это великие подвиги, сообщается скупно, поступки констатируются, а не оцениваются.

Прядь – это короткий повествовательный рассказ, также под прядью понимается отдельная легенда или рассказ, отведенной одной теме.

Следует отметить огромный вклад в изучение прядей Елены Ароновны Гуревич [16], которая не только проанализировала прядь как литературный источник, именно она перевела и издала пряди на русском языке, что представляет собой особую ценность как для исторической, так и филологической наук.

Сам термин «прядь» появляется не ранее XV века, до этого времени такие рассказы называли «сказаниями» или «речами». Первоначально этимология слова «patt», то есть прядь, обозначает «пряди из которых сплетается канат», под которым подразумевается часть песни или саги. Говоря о об каком-нибудь эпизоде или части истории, составитель саг помещал их под рубриками, как бы намекая читателю о начале нового раздела и дававшим ему представление о трактуемом в нем предмете, то есть, происходило систематическое деление на пряди. Например, «Восьмая прядь саги о Карламагнусе», которая рассказывает о Рунцивальской битве [16, С.6-8]. Нередко наряду с прядями вводятся целые саги, которые включены в королевское жизнеописание, но с другой стороны, как прядь, эти рассказы сохраняют самостоятельность.

Содержание прядей изначально сводилась в подробных заголовках к именам персонажей, которые играли главную или ведущую роль в рассказе, например, «Здесь начинается прядь об Отуели» [16, С.8].

До наших дней дошли десятки исландских прядей, которые считаются одними из лучших образцов средневековой литературы Европы. Одними из самых известных являются пряди в составе «Большой Саги об Олаве Трюггвасоне», пряди в составе «Отдельной саги об Олаве Святом», «Прядь о Пивном Капюшоне», «Прядь о Гуннаре Убийце Тидранди», «Прядь о Болли

сыне Болли», «Прядь о Брандкросси», «Сон Торстейна сына Халля с Побережья» и др.

Необходимо выделить схожие черты саг и прядей. Во-первых, прядь имеет схожие стилистические черты с сагой, например, использование фольклорных, эпических сюжетов и мотивов, мировосприятие главного героя и т.д., во-вторых, прядь так же, как и сага, не представляет собой монолитной группы, то есть, делится на виды и подвиды, например, существуют семейные саги и наряду с ними семейная прядь, но как уже было сказано, прядь отличается тем, что рассказывает не о всей семье, как например в саге, а об отдельном, наиболее известном представителе рода [16, С. 13-14]. Но существует проблема, которая заключается в том, что, в отличие от саг, пряди не имеют четкого основания деления на подгруппы.

Классификацию прядей попытался выделить британский ученый Джозеф Харрис, где основание классификации служат определенные события, например, поездка из страны [16, С.15], где описываются взаимоотношения исландца с правителем определенной страны, чаще всего упоминается Норвегия, где главный герой вступает в противоречие с правителем. К этому типу Джозеф относит «Прядь об Аудуне с Западных Фьордов», «Прядь о Тормоде», «Прядь о Бранде щедром» и другие, всего около двадцати одного рассказа.

Следующем основанием классификации служит жизнеописание личности исландца-скальда, который располагает к себе короля, благодаря своим драпам (хвалебным песням), к данной группе относятся «Прядь о Стуве», «Прядь о Халли Челноке», «Прядь об Эйнаре сыне Скули» и другие. Однако не всегда скальды посвящали хвалебные песни, бывали случаи, когда скальд отважился на хулительные песни.

Еще одним основанием служит столкновение язычества и христианства, об этом рассказывают такие пряди, как например, «Прядь о Свейне и Финне», «Прядь о Торвальде Тасальди», «Прядь о Рёгнвальде и Рауди».

Немногочисленным, но важным, является тип пряди, который рассказывает о путешествиях в иной, фантастический мир, где главный герой встречается с фантастическими существами, проявлением различных чудес. К этому виду можно отнести «Прядь о Торстейне Мороз-по-Коже», «Первая прядь о Хальдоре сыне Снорри», «Прядь о Храфне сыне Гудрун» и другие.

И последний тип классификации, выделяемой Джозефом, повествует о внутриисландских конфликтах, данная классификация схожа с классификацией семейных саг. Сюда можно отнести «Прядь о Болли», «Прядь о Гуннаре Убийце Тидрани», «Прядь о Хромунде Хромом» и другие [16, С. 15-17].

Таким образом, выделенная классификация дает самое общее представление о типологии прядей, наряду с которой бывают и исключения, не относящиеся ни к одному их типов. Такие пряди называют пограничными, так как могут относиться к нескольким типам, либо ни к одному.

Подводя итог нашему рассуждению о прядях, мы видим, что прядь – это включенный в сагу, либо дополняющий её рассказ, который повествует о действиях главного героя в тех или иных ситуациях, сохраняя при этом свою автономию. По большому счету, прядью принято считать любое короткое повествование, несмотря на то, что вошли ли они в составе большого произведения или являются отдельным рассказом.

Наряду с общими следует отметить характерные черты, отличающие саги и пряди об исландцах. Главный герой пряди – простой исландец, который вступает в конфликт с влиятельными людьми и, в отличие от саги, где чаще всего герой трагически погибает, в прядях герой и могущественный антагонист идут на уступки друг другу. Например, «Прядь о Торвальде Тасальди» – «пригожем, сильном и щедром человеке» [1, С.109], в которой говорится о поездке Торвальда, по просьбе Олава конунга, к Барду Толстому для того, чтобы призвать Барда на службу к конунгу и крестить его. Бард призвал Торвальда к испытанию, в ходе которого Торвальд одерживает победу, и Бард соглашается поехать к конунгу.

Следующим отличием пряди от саги является то, что в прядях нет генеалогических подробностей, как об этом упоминается в семейных сагах, прядь знакомит только с главным героем. Например, «Прядь о Свейне и Финне»: «Жил в Трандхейме человек по имени Свейн. Он был богат и родовит, человек немногословный и миролюбивый...» [1, С.117].

Действие всех прядей отнесено к исторической эпохе и приурочено к видным личностям – конунгам и вождям. Главные герои прядей чаще всего являются малоизвестными фигурами; иногда их можно считать апокрифическими. Другая группа прядей посвящена отдельным эпизодам биографии известных нам людей, не вошедшим в саги, где о тех же людях рассказывается более подробно.

Говоря о взаимодействии саги и пряди, можно выделить одну из главных функций прядей – это показать через демонстрацию поведения исландца, характерные черты личности главного героя саги – самого государя, раскрывая его как положительные, так и отрицательные стороны. Например, «Прядь о Иваре сыне Ингимунда», где автор рассуждает от первого лица, описывая Эйстина конунга: «Из того, о чем я расскажу, можно заключить, каким прекрасным человеком был Эйстен конунг, как много он пекся о своих друзьях и насколько настойчив был он в поисках того, что могло стать причиной печали тех, кого он любил» [1, С.482].

Если сага, в первую очередь описывала короля как храброго и мудрого правителя, то прядь нередко рассказывала об его отрицательных качествах, это кстати, является еще одним отличием саги от пряди. Например, изображая Харальда Сурового, описывая его поход в Англию, который обернулся неудачей, изображает короля как недалёковидного правителя [16, С.28].

Большой вклад в изучение истории Исландии был внесён как отечественными, так и зарубежными историками.

Исландская историография стала стремительно развиваться после провозглашения независимости республики Исландии 17 июня 1944 года.

Большое значение имеют работы историка-марксиста Эйнара Ольгейрссона. Книга Э. Ольгейрссона «Из прошлого исландского народа» [35] посвящена истории древнеисландского общества, в период «народовластия». Этот период, который начинается с заселения Исландии выходцами из Норвегии и оканчивается потерей Исландией ее независимости (1262 год). Книга представляет исключительный интерес не только с точки зрения изучения истории исландского общества, но и с точки зрения изучения истории общества вообще. Работа представляет собой цикл лекций, прочитанных зимой 1951–1952 года в партийной школе исландских социалистов.

Интереснейшая работа советского филолога-скандинависта Михаила Ивановича Стеблин-Каменского «Культура Исландии» [43], которая раскрывает особенности исландского народа, особенно на примере литературы. Эта книга – попытка выделить и охарактеризовать то, что наиболее самобытно в исландском культурном наследии для всего мира. Среди единомышленников и учеников М.И. Стеблин-Каменского можно выделить О.А. Смирницкую, Ф.Б. Успенского, А.В. Циммерлинга. Все они развивали отечественную скандинавистику и занимались переводом и популяризацией исландской литературы.

Одним из известных авторов по истории Скандинавии был советский и российский историк-медиевист, культуролог Арон Яковлевич Гуревич. Данной тематике он посвятил немало работ, например, «Походы викингов» [20], в которой рассказывается о походах викингов в различные страны Европы, которые, в свою очередь, породили множество легенд. Также он описывает быт и культуру скандинавских стран в IX–XI века.

Изучением прядей занималась и его дочь Елена Ароновна Гуревич – один из крупнейших отечественных скандинавистов, автор многочисленных исследований и переводов, доктор филологических наук. В работе «Древнескандинавская новелла. Поэтика прядей об исландцах» [16] она подробнейшим образом характеризует особенности прядей, структуру

построения. Как уже говорилось ранее, занимаясь изучением прядей, она издала и перевела на русский язык исландские пряди.

Фундаментальный труд Аделаиды Анатольевны Сванидзе – крупного советского и российского историка, скандинависта и медиевиста – «Викинги – люди саги: жизнь и нравы» [38]. Книга довольно подробно описывает общественную жизнь викингов, историю основания скандинавских государств, особенности социальной структуры общества. Большое внимание уделяется быту, как были устроены жилища, повседневные занятия, одежда и др. Все эти и другие темы автор рассматривает на судьбах многих конкретных семей и отдельных значимых персонажей. В исследовании широко используются литературные произведения той эпохи, которые представляют огромный интерес для читателя.

На русский язык переведено несколько работ западноевропейских исследователей, посвященных средневековой Исландии. Это работы французского историка Режи Буайе и американского профессора Джесси Л. Байока.

Джесси Л. Байок – известный археолог, специалист по древнеисландскому языку и средневековой Скандинавии. Джесси Л. Байок руководил археологической экспедицией «Мшистая гора» в Исландии. Он написал множество работ о средневековой Исландии и сагах, в том числе книгу «Исландия эпохи викингов» [10]. С помощью яркого иллюстративного аппарата, анализа исландских саг он дает богатый материал о событиях прошлого Исландии. Автор довольно часто делает отсылки к древнеисландскому языку, объясняет термины и названия, дает справки по чтению простых слов. Однако в своей диссертационной работе археологические источники, данные в этой книге мы не используем, в виду узкой направленности исследования.

Работа Режи Буайе «Средневековая Исландия» [12] повествует о холодном острове Исландия, его духовном наследии, анализе скандинавских саг и рунической тайнописи. Довольно подробно рассматриваются вопросы

повседневной жизни, вопросы семьи и брака, религии, а также обычаи и традиции древнего народа.

Труд Александра Сергеевича Кана «История скандинавских стран» посвящён преимущественно истории континентальных скандинавских стран – Швеции, Норвегии и Дании. История Исландии рассматривается лишь в связи с историей вышеназванных стран [28].

Особый интерес представляет работа Наталии Будур «Повседневная жизнь викингов» [14]. Данная работа позволяет читателю познать суровый и величественный мир норманнов, представить себе жизнь, которую вели люди на Севере больше десяти веков назад.

Книга одного из крупнейших современных британских специалистов по культуре и фольклору скандинавов и англичан Жаклин Симпсон «Викинги. Быт, религия, культура» [40] посвящена жизни викингов, которые были искусными стратегами, мореходами и первопроходцами, прославившимися беспримерной военной экспансией. Ею произведён анализ различных ритуалов викингов, находок археологов, фольклора северных народов.

Одним из наиболее известных современных исландских историков является Йоун Р. Хьяульмарссон. В своей книге [50] он кратко описывает историю Исландии от заселения до современности.

В отечественной исторической науке, как правило, история Исландии упоминается лишь в контексте работ, посвященных общескандинавским проблемам, причем Исландии в этих работах уделяется далеко не самое значительное место. В то же время наличие таких удивительных средневековых источников, как исландские саги и пряди, может способствовать глубокому анализу структуры исландского общества. Изучение прядей позволяет выделить характерные особенности исландского общества относительно других, родственных ему скандинавских обществ. В зарубежной историографии данный вопрос изучается давно и имеет большую популярность. Однако по данной теме работ написано мало. Новизной

данного исследования также является подробное рассмотрение положения женщины в скандинавском обществе.

Цель данной работы охарактеризовать отражение в древних исландских прядях реалий жизни скандинавских обществ XI-XIII веков.

Для реализации данной цели мы поставили следующие **задачи**:

1. Охарактеризовать основные сферы жизни скандинавского и исландского обществ.
2. Проанализировать положение скандинавской женщины.
3. Рассмотреть духовную жизнь исландцев.

Хронологические рамки диссертационной работы определяются тем, к какому времени относятся события, отраженные в источнике и охватывают XI-XIII века.

Пространственные рамки исследования охватывают Скандинавию, в которую входят такие страны как Норвегия, Дания, Швеция и остров Исландия.

Объект исследования – исландские пряди.

Предметом исследования является отражение в древних исландских прядях реалий жизни скандинавских обществ XI-XIII веков.

Работа основана на принципах историзма и научной объективности. В ходе данного исследования применялись следующие общенаучные методы: анализ, синтез, индуктивный метод. Из специальных исторических методов использовались историко-сравнительный, историко-типологический и генетический методы.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть применимы в школьном курсе, на факультативах и дополнительных занятиях по истории средних веков.

ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ СФЕРЫ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

1.1 Социально-экономические отношения в исландском обществе

Исландское общество было сформировано в X веке и стало уникальным в своем роде, так как не имеет аналогов не только среди скандинавских стран, но и во всей Европе.

Рассматривая исландское общество, необходимо пояснить, что изначально жёсткого разделения общество не имело. Однако, стоит заметить, что зачатки социального расслоения начинают появляться, и с приходом христианства только усиливаются.

Исландское общество условно можно поделить на полноправных свободных людей и неполноправных, часто несвободных. Главными героями прядей являются свободные и благородные люди.

Самыми уважаемыми среди всех членов общества были бонды. Бонд образовано от «búa» т.е. «наделять землю плодородием». Им мог стать богатый крестьянин, свободный рыболов, владелец хутора [12, С.51]. Среди бондов выделялись богатые, средние и бедные. Бонды имели широкие права: они обладали правом голоса на тингах, правом требовать возмещения в случае оскорбления. Именно из их числа выделялись годары и годордсмены (священники), которые играли важную роль в судах и в общине. Бонды всегда стремились выгодно выдать замуж своих дочерей, приумножив при этом собственное состояние и престиж своего рода и семьи. Бонды представляли собой элиту страны, а после христианизации Исландии именно они становятся священниками или епископами.

Бонды, занимавшие положение годордсманнов или обладавшие властью магистрата, назывались стурнбондами (сильные бонды) [12, С.53]. Им принадлежала административная власть, они составляли «правительство» страны, управляли важными делами, определяли судьбу общества. Именно о них, прежде всего, рассказывают нам все существующие источники.

Ниже их находились простые бонды, которых называют «малые» бонды. Они составляли нижнюю прослойку исландского общества и, хотя их права не отличались от прав стурбондов, но условия жизни имели существенные отличия: они представляли собой мелких фермеров.

«Обычные» и малые бонды образовывали костяк исландского общества. Возможно, внутри этих общественных групп существовала некоторая специализация. Выделяются некоторые профессии, но точно об этом говорить нельзя, так как бонд мог заниматься любыми делами: решать государственные вопросы или толковать тексты законов, строить дома, ловить рыбу в море, украшать алтари церквей, чинить после зимы сани, слагать саги, добывать в болотах железную руду, выплавлять из нее железо и ковать его и т.д. [12, С.56-57].

Среди наиболее часто встречающихся в источниках профессий, можно выделить следующие: врач «læknirinn», законовед «lögmáður», ремесленник «handverksmaður» и священник «prestur».

Врач занимал особое положение в суровом северном обществе, где любое телесное повреждение подлежало очень точному техническому определению, различные виды повреждений следовало оценить должным образом для того, чтобы определить размер компенсации. Однако чаще всего люди того времени предпочитали обращаться к колдунам, поскольку считали, что болезнь приходит к человеку как кара за нарушение баланса между миром своим – миром людей – и миром чужим, то есть миром сверхъестественных сил [12, С.57-58].

Особым умением врачевания ран славились женщины. Считалось, что для проведения операций и ухода за больными были необходимы легкие и нежные руки. Иногда медицинские представления были откровенно фантастичны. Например, считалось, что у храброго человека сердце меньше, чем у труса, потому что в большом сердце больше крови, а оно поселяет робость в людях [14, С.156].

Пряди донесли до нас много примеров того, что викинги лечили, накладывая руки на больные части тела или погладив их. В пряди «Об Эгиле сыне Халля с побережья», конунг излечивает своего воина с помощью прикосновения, описывается это так: «Рассказывают, что после его прикосновения, болезнь тотчас же начинает отступать и наступает облегчение, а когда конунг уходит, Эгилю час от часу становится все лучше и в конце концов он полностью исцеляется» [1, С.248-249].

В отношении законоведов самое поверхностное знакомство с прядями подтверждает тот факт, что любой из обладавших такой квалификацией бондов почти досконально знал действующие законы и при этом умел трактовать их, оспаривать, вести процесс, находить решающие условия и т.д.

Закон имел сакральный характер, стремление специализироваться в этой области вызывало большое уважение. Законовед должен был уметь ответить на любой вопрос, касающийся юриспруденции. В исландском языке существовал также термин «человек закона», буквально соответствовавший современному понятию адвокат. Такой человек «был сведущ в законах», как уточняют некоторые тексты.

«Прядь о Стюрбьёрне Воителе Шведов» знакомит читателя с таким человеком по имени Торгнюр: «сын Торгнюра, он был лагманом в Тиундаланде, как и его отец. Он был самым мудрым мужем из всех, кто жил в Шведской Державе» [1, С.208]. Именно он посоветовал Эйрику конунгу собрать тинг и исправить законы, дабы дать людям больше прав и распорядится, какое оружие и доспехи должны быть у бондов.

Скандинавы во все времена были, и остаются сейчас, мастерами, умевшими создавать высококачественные изделия. Они прекрасно работали и работают с любым видом материалов, доводя его обработку до совершенства, обладая прекрасным чувством функциональности и эстетики.

Однако, нельзя исключать тот факт, что исландцы часто пользовались услугами норвежцев, особенно норвежских кнорров, свои лодки делали лишь для перемещения на короткие дистанции. И вообще торговали только через

Норвегию, своих купцов не было. А основным товаром было сукно среднего качества (как и во всех средневековых цеховых мастерских). Сами в этом же сукне ходили [10, С.40].

В «Пряди о Рёгнвальде и Рауди» говорится о строителях, которые были искусны в своем деле. Об этом говорится так: «Рёгнвальд подыскивает подходящих строителей и за хорошие деньги, поскольку он не жалел средств, нанимает двух самых искусных мастеров, вендов по происхождению» [1, С.67]. В другой «Пряди о Хрои Простаке» [1, С.221] рассказывается о главном герое – Хрои, который был мастером на все руки и за свое мастерство Хрои получал хорошую награду. Упоминаются не только мастера-мужчины, но и женщины, например, в пряди «Сон звездочета» упоминается Хладрейд – конунгова сестра, которая была не только хороша собой, но и была мастерицей на все руки [1, С.598].

В прядях также часто говорится о священниках. Они занимались проповедью христианства, крещением детей и взрослых, проводили другие службы и обряды. В «Пряди о Стейне сыне Скафти» священник принимал участие в родах Рагнхильд, а после, когда она родила девочку, он крестил её [1, С.288].

Не исключено, конечно, что могли существовать и другие профессии, а также то, что один и тот же человек мог одновременно являться врачом, законоводителем и ремесленником, но, как бы то ни было, профессиональная специализация общества уже имело место.

Исландию называют страной поэтов, поэтому одним из главных героев пряди являлся скальд. Скальд – это древнескандинавский поэт. Они жили при дворах и дружинах конунгов. Основными жанрами их поэзии были: драпа (боевая песня, прославлявшая подвиги конунга), хулительные стихи, которые называются нид и отдельная виса, выступающая как цитата из пряди или саги. Драпа была наиболее ценным или даже единственным видом поэзии, за которое скальд мог получить большое вознаграждение. Но, помимо поэзии, скальды были хорошими воинами, ярким примером чего

служит «Прядь о Тормоде». Прядь рассказывает о славных приключениях скальда, который находился на службе у конунга Дании Кнута Могучего, затем он перешёл на службу к Олову конунгу. Всё начинается с описания главного героя: «Тормод Скальд Чернобровый был мужем доблестным и искусным во всем, а еще он был хороший скальд» [1, С.269]. Случилось так, что Тормод, находясь на службе у Кнута Могучего, отправляется в поход, в ходе которого он убивает человека Олова конунга, и, не страшась смерти, остается на вражеском корабле, где его схватили и доставили конунгу. При встрече с конунгом, Тормод ведет себя уверенно и когда конунг спрашивает его, сколько убийств он совершил, ведь ему совсем немного лет, Тормод отвечает висой:

«Шесть шестов шелома
Уложил – теснили
Тюра рукояти
Знать, и я – вояка
Тридцать зим едва мне
Минуло, но клёнам
Дротов всё ж крушим мы
Черепу, не дрогнув» [1, С.273]

Так как Тормод показал себя смелым человеком и хорошим скальдом, Олав конунг оставляет его у себя на службе, на которой тот совершит еще немало славных подвигов.

Довольно многочисленной прослойкой исландского общества были нищие и бродяги. В сагах и прядях часто можно найти упоминание о них. Например, в «Пряди о Свейне и Финне» один из главных героев по имени Финн, решил вызволить своего отца и брата из беды, и, переодевшись в бродягу, предстает пред конунгом. Их встреча описывается так: «Одет Финн был бедно. Он попросил впустить его внутрь, чтобы он смог поговорить с конунгом. Стражи отвечали, что нет такого обычая, чтобы незнакомые люди беспокоили конунга, когда он сидит за столом, – «и мы не позволим войти ни

тебе, ни какому-нибудь другому несмышлёному бродяге-оборванцу, вроде тебя»» [1, С.122-123].

Таким образом, мы видим, что таких людей изображали как постоянно странствующих в бедных одеждах, или, как правильнее будет сказать, в лохмотьях. Но такие персонажи встречаются особенно часто во время путешествия главного героя в другую страну или город.

В доме бонда часто можно встретить вдовую сестру, сирот, бедного дальнего родственника, то есть приживальщиков. Все-таки Исландия не была богатой страной. В результате неурожая, несчастного случая не слишком обеспеченный бонд мог вполне превратиться в нищего, не имеющего средств к существованию. В Исландии даже было образовано оригинальное для того времени учреждение, напоминающее современную кассу взаимопомощи. Управлялось такое учреждение состоятельными бондами, в их обязанности входило распределение средств нуждающимся в случае пожаров, наводнений, неурожая и других бедствий.

Особую роль играли рабы. Они обозначаются словом «*fræll*» (мн. ч. «*fræla*»), именно такое понятие встречается в прядях и сагах. Упоминание в литературных источниках доказывает, что в Исландии существовали рабы.

Так как основной деятельностью норманнов была экспансия в другие страны. При захвате территорий, викинги захватывали мужчин и женщин и превращали их в «рабов». Таких людей доставляли в Хедебю (торговый центр в Дании), откуда они отправлялись в другие города, например, в Константинополь, поскольку оба эти города в рассматриваемый период являлись крупными центрами работорговли. Ясно, что викинги старались получить хорошую цену за захваченных людей, однако «остатки товара», если можно так выразиться, они отвозили к себе, где пленникам навязывалось подчиненное положение. Таким образом, северные грабители являлись крупными рабовладельцами своего времени, и рабы, несомненно, составляли наиболее важный из их «товаров».

Но, повсеместно рабы не применялись. Из истории мы знаем, что рабство выгодно тогда, когда климат и географическое положение страны позволяют заниматься земледелием и скотоводством в крупных масштабах. В Исландии же, где экономика состояла преимущественно из рыболовства, скотоводства, а в удаленных от моря регионов – собирательства, применение рабов было не очень эффективным делом. Поэтому широкого распространения рабство не получило, а к концу XI века – исчезло.

В отличие от понимания раба в классической античности, когда он приравнивался к вещи, раба в Исландии не отождествляли с рабочим скотом. Его не могли безнаказанно убить или изуродовать, раб мог вернуть себе свободу, либо выплатив фиксированную сумму, либо женившись на свободной женщине, либо оказав своему хозяину значительную услугу, заставляющую последнего в обязательном порядке освободить его.

Рабы и другая прислуга проживали вместе с членами семьи в усадьбе, они помогали по хозяйству, пасли скот и выполняли другие тяжелые и грязные работы, участвовали в рыбной ловле. У каждого более или менее крепкого хозяина имелись зависимые домочадцы. Владельцы побогаче нередко выделяли рабам и вольноотпущенникам небольшие участки земли и снабжали их инвентарем [20, С.22].

По приказу хозяина они могли и убить, как, например, это сделал раб Торвальда в «Пряди о Торвальде Путешественнике», который путешествовал вместе с епископом, проповедовавшим новую веру. Торвальд, встретив сопротивление человека по имени Хедин, отказавшись принять новую веру, приказывает своему рабу убить его. Раб, по приказу хозяина, выполняет данное поручение, однако ответственность несет сам Торвальд. И когда его друг епископ узнает об этом, их пути расходятся, так как новая вера не одобряет таких поступков [1, С.53-54].

Как уже говорилось, рабов использовали как домашнюю прислугу, которая проживала в одном доме с хозяевами. В «Пряди о Вёсли» [1, С.309]

рассказывается о старике, который жил на севере Норвегии, и жили с ним и его семьёй раб и рабыня.

К беднякам и рабам относились доброжелательно. М.И. Стеблин-Каменский отмечает характерную особенность исландцев: они одинаково доброжелательно относились ко всем людям, также для исландцев характерно простодушие, гостеприимство и дружелюбие [43, С.11].

Особенностью исландского общества является бессловесный характер. Конечно, в обществе есть богатые бонды, свободные крестьяне, рабы, но возможен переход из одного социального статуса в другой.

Для исландского общества также было характерно полное отсутствие конфликта поколений. Дети становились взрослыми к 12–14 годам; женатые люди, старики взаимодействуют между собой без каких-либо противоречий.

1.2 Организация управления в Скандинавии и Исландии

Рассматривая организацию управления скандинавов и исландцев, следует заметить, что «остатки» общинного строя в формировании управления прослеживаются вплоть до XII-XIII вв.

Первопоселенцы, которые приплывали в Исландию, путешествовали группами и часто принадлежали к одной семье. Во главе такой семьи обычно стоял знатный и богатый человек, который управлял жизнью своих сородичей, устанавливая правила как в повседневной жизни, так и в религиозной. За это он мог получать материальное вознаграждение, тем самым упрочняя своё положение. Постепенно из этих групп складываются общины. Несколько раз в год собирались общие собрания, где принимались новые законы и выносились приговоры тем, кто эти законы нарушает.

Не просто дать определение государственному устройству Исландии эпохи викингов. Историки обычно пользуются термином «народовластие», полезным в силу своей неточности [10, С.48-49]. «Народовластие» в Исландии эпохи викингов означает «независимое общество, гибко организованное и находящееся на некоей догосударственной стадии

развития, но обладающее при этом известными элементами государственности», т.е. осознающее самое себя как «государство». «Народовластие» означает, что Исландия была независима от других стран, а сами исландцы осознавали себя частью единого общества с единым устройством [10, С.50].

Закон играл огромную роль в скандинавском и исландском обществах.

В древних скандинавских законах говорится, что любой, кто желает поселиться на пустой земле и в тех местах, которые отводились для полей и лугов, должен был сложить три копны сена и построить дом на четырёх углах и обойти с двумя свидетелями взятую и так отмеченную землю.

На протяжении долгого времени в Скандинавии был сохранен пережиток патриархально-родового строя в виде больших семей. Постепенно ситуация меняется. Люди начинают жить малыми семьями. Общераспространенным типом поселений является хуторской. Пахотные земли вокруг хутора ограждались и наследовались главой семьи. Затем складывается соседская община, сохранившаяся до XIX века. «Odalbond», хозяин усадьбы, или бонд, жил на своем дворе. В древних законах он носит название отца семейства, землевладельца, повелителя своих женщин и господина своих рабов. Над своей семьёй, слугами, рабами его власть была неограниченна. Только он имел право голоса на общих народных собраниях – тингах. [14, С.51-52].

Отличительной чертой государственного устройства в Скандинавии стало разделение на херады.

Херад – это административная единица в Скандинавии, также это гражданский союз, заключенный, по общему согласию различных землевладельцев, бондов, для охранения взаимного спокойствия и для защиты собственности и личной безопасности. Десять херадов образовывали округ. В свою очередь херады были поделены на корабельные общины «skipið samfélag». Дворы, принадлежавшие к корабельным общинам, должны были содержать корабль со всем необходимым и снабжать его людьми и

провизией на случай передачи судна в распоряжение конунга или для защиты страны [14, С.53].

Для соблюдения порядка херады стали делиться на четверти (фьердунги), в них избирался четвертной судья, который разбирал судебные дела. Если в херад приходил королевский приказ, или было совершено убийство, или находились другие серьезные дела, вырезалась стрела, на которую, наносились руны и посылали ее «по кругу» между бондами, это служило приглашением их на тинг. Стрела всегда должна идти вперед, и все бонды обязаны были передавать её дальше. Исключением были вдовы, которые не имели сыновей старше 15 лет, и бедняков, проживающих в лесу. Если же стрела не передавалась, закон налагал денежную пеню на того, кто не передавал стрелу, либо если её испортил [14, С.53].

Первым человеком в стране во времена викингов был конунг – король. Но, в отличие от других скандинавских стран, в Исландии не было ни королей, ни ярлов. Только в XIII веке, когда Исландию покорил норвежский король Хакон IV Старый, на остров была распространена королевская власть. Если в Исландии появлялся претендент на абсолютную власть, все его претензии заканчивались либо смертью, либо высылкой за пределы страны. Многие ученые считают, что причиной всему является неспособность или несогласие исландцев принять власть, которая могла бы закрепить господство на острове.

Поэтому все дела решались сообща на тинге – общенародном собрании, вече. Тинги часто соединялись с ярмарками и праздниками. Собирали как местные тинги, так и общие. Во время тинга наступало время мира. Человека нельзя было ни ударить, ни оскорбить. Законы оговаривают штрафы за любое нарушение спокойствия во время тинга: например, в случае, если человека схватили за волосы или ударили кулаком. Особые штрафы налагались за удар палкой или обухом топора.

Существовало выражение или формула, после произнесения которой прибывшего на тинг человека, даже подозреваемого в совершении тяжкого

преступления, нельзя было «трогать». В «Саге О Греттире» приводится такая стихотворная клятва мира. Вот начало этой клятвы:

«Провозглашаю мир
Между всеми людьми,
А перво-наперво
Между сидящими здесь мужем по имени Гест
И всеми годи и добрыми бондами,
Всеми, кто может держать оружие,
И всеми-всеми окрестными жителями
Здесь, на Цаплином Тинге,
Кто б они ни были
И откуда б они ни пришли, -
Всеми, кто назван
И кто не назван.
Обещаем мир,
Полный и нерушимый,
Чужанину, который назвался Гестом,
для игрищ, веселий
И ратоборства,
Покуда он здесь
Или путь держит к дому,
Посуху иль по морю,
Землею иль водою.
Да будет мир ему
Везде и всюду,
Пока он, целый и невредимый,
Домой не вернется» [6, С.118].

Как уже говорилось, тинги объединялись с ярмарками. Очень часто на ярмарках варили пиво в больших котлах для приезжих гостей. Яркий пример этому мы находим в «Пряди о Пивном Капюшоне». Главный её герой –

Торхалль: «Он жил в Синих Лесах в Жилище Торхалля. Был он человек зажиточный и уже в летах. Торхалль был невелик ростом, безобразен и не особо сноровист, однако искусен в работе по железу и дереву. Он жил тем, что варил пиво на тинге, и благодаря этому скоро стал известен всем знатым людям, потому что большей частью покупали у него пиво» [1, С.541].

Но главным тингом Исландии был альтинг («всеобщий тинг»). Исландцы до сих пор с трепетом и гордостью относятся к этому явлению общественной жизни. На альтинге, собрании всей страны, председательствовал выборный лагман, на нем лежала обязанность соблюдать и защищать правду. Лагман – это вождь родовых союзов, который ведал всеми делами мирной жизни. В отличие от военного вождя, который избирался на время, лагман – должность пожизненная. Его приговоры и решения в спорных случаях, прочитанные народу, составляли дополнения к законам и употреблялись в будущем при подобных же обстоятельствах. Альтинг обладал судебной и законодательной властью, исполнительной власти как таковой не было, это была прерогатива местных вождей, которые не хотели над собой власти ни конунга, ни ярла. Возможно, причина отсутствия верховного правителя заключается в удаленном месторасположении Исландии, при котором не требуется централизованная оборона. Также альтинг был еще и центром общественной жизни Исландии. Сюда съезжались все знатные бонды вместе со своими сторонниками, тинговыми людьми.

Законоговоритель должен был знать все законы наизусть и оглашать их со Скалы Законов. Что касается судебной власти, альтинг формировал суды в каждой из четвертей страны, а в 1004 г. появился пятый – верховный суд [50, С.31].

Как уже говорилось ранее, на альтинге решали самые важные вопросы и рассматривали судебные тяжбы. Одними из наиболее частых судебных разбирательств были разбирательства о кражах. Об этом нам рассказывает

«Прядь о Хромунде Хромом», где Хромунд вызывает норвежцев на альтинг по подозрению в краже жеребцов, однако, чем заканчивается эта тяжба, не известно [1, С.127]. Примечательно то, что вызывают каждого норвежца. Согласно исландским традициям, ответчик должен сам выслушать вызов на суд, поэтому эта процедура предполагала оглашение определенной юридической формулы, которую произносили в доме самого ответчика и в присутствии свидетелей, которые должны были подтвердить на тинге, что вызов на суд был произведён правильно. Еще одна особенность, что вызывать на суд нужно было не позднее, чем за четыре недели до тинга.

На местных тингах были тоже свои лагманы, которые охраняли и толковали законы. Лагман являлся высшим представителем области, от имени народа он отвечал королю или ярлу, когда они посещали область. Все повиновались ему.

В лагманы выбирали богатых и умных бондов, смелых и храбрых, независимых и почитающих законы страны. Эта должность часто переходила от отца к сыну, а в некоторых семействах она была наследственной.

Итак, многочисленные тинги Исландии во главе с альтингом были законодательными и судебными органами. На них разбирались сложные вопросы, судебные тяжбы, принимались важные решения и законы. Кроме того, тинги играли центральную роль в общественной жизни Исландии. А в силу отсутствия органов исполнительной власти сами исландцы должны были следить за исполнением законов и судебных решений, поэтому в Исландии законы имели священный статус. Большинство членов этого общества имело равные права перед законом. На практике, конечно, равенство перед законом дополнялось институтом патроната и клиентеллы (взаимных обязательств), которые обеспечивали соблюдение прав рядовых граждан при отсутствии судебных исполнителей. Что же касается исландского общества в целом, то оно носило бессловный характер, несмотря на наличие неярко выраженного социального расслоения.

ГЛАВА II. СКАНДИНАВСКАЯ ЖЕНЩИНА

2.1 Положение женщины в скандинавском и исландском обществе

Различные проблемы скандинавского общества рассматриваются, как правило, на мужских примерах, будь это герои саг и прядей, конунги и бонды, а выводы накладываются на всё общество в целом. Однако такой подход является односторонним, поэтому возникает необходимость выделить особый статус скандинавской женщины и ее положение в обществе.

Женщина стала терять свою самостоятельность в Европе по мере развития феодализма и вытеснения родоплеменных отношений. В раннем средневековье права женщины были неплохо защищены. Несмотря на то, что Салическая правда не позволяет женщине наследовать недвижимое имущество, король Хильперик в 6 веке издаёт эдикт, корректирующий эту норму. В вестготской и бургундской правдах отношение к женщине также весьма благосклонно, что объясняется сохранением позднеимских традиций. Также варварские правды защищали права женщин, назначая наказания за ущерб, причиненный женщине, такой же, как и мужчине (а иногда и выше).

Женщины принимали широкое участие в суде и как свидетельницы, и как подзащитные. В Исландии женщина не могла продавать или покупать товары, а в Европе женщина вела хозяйство и в принципе занималась экономикой семьи.

В отличие от большинства стран мира, Исландия славится своими сильными и волевыми женщинами. Наверное, это единственная страна, в которой женщины не видят смысла бороться за свои права, которых у них и так предостаточно.

Женщины в Исландии берут на себя всю самую сложную работу и могут легко справиться и с хозяйством, и с воспитанием детей, и с тем, чтобы управлять всем домом. Причиной такого женского поведения стал тот факт,

что мужчины большую часть своей жизни проводили в походах, и женщинам приходилось в одиночку справляться со всем. Также важной обязанностью было занятие ткачеством, чаще всего результаты этого труда служили товаром для торговли. В древнескандинавском языке был специальный термин, которым обозначались права и обязанности хозяйки усадьбы: это «заведывание» ключами и домом [14, С.102].

Естественно женщины становились более сильными и жесткими характером, и мужчины вынуждены были смириться с тем, что женщины в Исландии стали в большей степени сильным полом, чем они сами. Женщины с ранних лет ездили верхом, владели искусством врачевания и магии, обладали проницательностью и развитой интуицией. Кроме того, достойная девушка умела танцевать, играть в настольные игры, поддерживать светскую беседу.

В честь женщин слагались любовные песни: Харальд Суровый сочинил длинную песнь в честь Елизаветы, дочери киевского князя Ярослава, а Эгиль сложил висы, восхваляющие его будущую жену Асгерд. Ради женщины скандинавский мужчина совершал подвиги, разрывал дружеские связи, оставлял привычные занятия. Смерть жены была большим горем, выразить которое не считалось постыдным.

Скандинавская женщина имела особый статус. Её не обязывали сидеть на женской половине дома, наоборот, она была украшением мужского общества, с ней охотно вели беседы и прислушивались к ее советам.

Однако женщина находилась под властью и покровительством мужчины: дочь – под опекой отца или сородича, заменявшего ей отца; после выхода замуж женщина переходила под опеку мужа, но, будучи подчиненной мужчине и неравной с ним, в частности в правах наследования, женщина вместе с тем не была бесправна. Она была хозяйкой дома. Саги и пряди рисуют облик многих властных женщин, державших семью в своих руках и пользовавшихся уважением жителей всей округи.

Женщина в Исландии всегда имела примерно равные права с мужчиной. Это подтверждает тот факт, что при рождении девочки ей дают «фамилию», которая остается у нее на всю жизнь. Исландское общество не знало фамилий, в этом оно было не одиноко, поэтому было принято называть человека сыном или дочерью своего отца.

Если мальчик при появлении на свет получает «фамилию» Ханссен, т. е. сын Ханса, то девочке дается «фамилия» Хансендоттир, т. е. дочь Ханссена. Эта «фамилия» сохраняется и после замужества [12, С.120-121].

Такое положение объясняется исторически. До первых поселений остров был пустынным. Группы поселенцев, прибывшие на остров, состояли преимущественно из мужчин. Женщин было мало. Поэтому их ценили. Как повествуют саги и пряди, не считалось зазорным, если женщина несколько раз выходила замуж.

Характерной чертой скандинавских женщин являлась гордость, усиленная знатным происхождением, а исландки отличались своеобразием. Немало заносчивых красавиц позволяли себе надменный тон с мужем или в открытую осыпали его бранью, если он вел себя недостойно.

Согласно исландскому сборнику законов, который получил название «Серый гусь», незамужняя женщина, достигшая шестнадцати лет, могла сама определять место своего проживания. Дети наследовали статус того родителя, у которого он был выше. Детей часто называют по матери, особенно тех, чей отец умер рано (сыновья Гуннхильд, сын Халлы, сын Ингунн, дочь Катлы, дочь Гримы и др.). Конунг Харальд Синезубый воздвиг рунный камень «в честь отца своего Горма и матери Тюры» [48].

Матери играли огромную роль в воспитании сыновей, как и отцы – в воспитании дочерей. Перечисляя детей героя, автор всегда упоминает как сыновей, так и дочерей, сообщая кратко об их дальнейшей судьбе.

Для мужчины считалось недостойным ругаться с женщиной и бить ее, хотя в семейной жизни происходило всякое. Но, несмотря на свое подчиненное положение, женщины не спускали с рук обиды.

Но намного больше встречается примеров супружеской верности, когда жены отказывались спастись и погибали вместе с мужьями, всходили на погребальный костер вслед за супругом или угасали в короткое время «af harmi og sorg» – от скорби и печали.

Законы скандинавского общества защищали права женщины. Лучшим украшением девушки были ее честь и целомудрие. В древнешведском законе довольно подробно прописано наказание за посягательство на честь девушки: «Если возьмешь женщину за руку, плати полмарки в случае жалобы ее, если возьмешь за руку – восемь марок, если за плечо – пять, за грудь – целый эйрир» [14, С.102]. Законы защищали жизнь женщины. За ее убийство следовало наказание – вергельд (т.е. материальное возмещение), а преступник объявлялся вне закона и лишался всех прав.

Особый интерес представляет замужество девушки. Брак назывался «гаур» т.е. покупка невесты. 12-летний возраст считался в средневековой Скандинавии оптимальным для вступления девочки в брак. За невесту семья жениха обычно выплачивала своеобразный выкуп. Выгодно выдав дочь замуж за представителя другого селения, викинг заручался таким образом поддержкой своих соседей при обороне от неприятеля.

Порядочная дочь всегда предоставляла отцу и старшему брату право выбора себе мужа. В случае гибели отца или брата, это право передавалось его старшему сыну, если же не было сына, этим правом наделялась мать. Независимыми были только вдовы, не имевшие отцов, и девушки-сироты. Они имели право собственного согласия на брак, и, в соответствии с законами, сын не мог выдавать мать замуж против ее воли.

Свадебный обряд был многоэтапен и состоял из сватовства «bónorð», покупки невесты «brúðkaup» (на этой стадии договаривались о дарах и приданом), обручения «festar» и непосредственно свадебного пира с последующей брачной ночью и утренним даром в награду за девственность.

Девушка, выданная замуж с соблюдением всех этих формальностей, «купленная даром и словом», называлась брачной, законной женой,

наделенной домашней властью и полномочиями. Ее будущие дети считались законнорожденными и имели право на земельную собственность, передающуюся строго по наследству. Если данный обряд был не соблюден, девушку сманили или похитили, то она считалась наложницей – *hjákonu*, независимо от ее происхождения и статуса.

Когда молодая девушка выходила замуж, жених должен был отдать ей часть своего имения. Это называлось «женским даром», также назначался и «дружеский дар», т.е. выкуп за жену, который передавался будущему тестю. Отец, в свою очередь, выделял дочери приданое, это было неким вознаграждением за то, что она лишалась наследства отца [14, с.95-96].

Приданым могли стать слитки серебра и золота, домашняя утварь, скот и даже рабы, но усадьба, в которой проживала невеста, никогда не делилась. Это было сделано для того, чтобы сохранить земельное имущество семьи. «Женский дар» и приданое принадлежали женщине, и даже после развода она была полноправной хозяйкой этого имущества.

Скандинавская женщина обладала широкими имущественными правами. Наравне с братьями, она могла претендовать на наследство отца или матери. Жена сохраняла право распоряжаться своим имуществом (приданное, дары, наследство), она могла продать его, либо отдать в дар. По словам Снорри Стурлусона, знаменитого исландского историка XIII в., жене конунга полагалась половина дружины, подобно богине Фрейе, которой принадлежала половина всего небесного воинства, состоявшего из павших в битве храбрых воинов.

Эту дружину королева должна была сама содержать, на что ей причитались подати и налоги. Может быть, эта ситуация не была нормой, но появление такого утверждения показательно. Королевы оказывали материальную и иную поддержку своим дружинникам, например, Гуннхильд – Хруту и его племяннику Олаву Павлину [9, С.97– 166].

Часто случалось так, что брак могли отложить на определенное время. Время отсрочки определялось при обручении. Обычно свадьбу откладывали

на три года, если невеста была очень молода, а жених был в походе. В таком случае девушка объявлялась «названной женой». Если жених не возвращался по истечению срока, девушка могла выйти замуж за другого.

Также девушке предоставлялось право изменить своё решение, если она передумает выходить замуж, но в этом случае она обязана вернуть все подарки и обручальные дары, и заплатить штраф 3 марки.

Кроме того, женщина обязана в присутствии двенадцати мужчин объявить, что «она не знает никакого порока или недостатка за женихом и его родней и не знала того во время его сватовства и обручения» [14, С.100-102]. Тот же закон имел силу и при нарушении обещания со стороны жениха, но в этом случае дары невесте назад не возвращались.

Но вместе с обычными браками, которые совершались регулярно, были приняты и некоторые другие формы супружества.

В обычае того времени и тех мест был так называемый неполный брак (или неполная свадьба), который заключался по соглашению и без соблюдения обрядов, в сущности за выкуп. В таких браках особенно бросается в глаза различие в правах и возможностях людей разных статусов.

Очевидно, что на неполный брак дочери, на отказ от ее полноценного супружества и на известное для нее (для всей семьи) бесчестье соглашались либо под давлением со стороны значительно более могущественного, чем семья девушки, и опасного жениха, либо из-за денег, либо по обоим этим соображениям.

Браки рассматривались не только как важное общественное явление, а также как элемент политики, например, для примирения родов или семей. В «Саге об Эгиле» конунг приказывает своему дружиннику Эйвинду, брат которого убил могучего Торольва, жениться на его вдове Сигрид и взять все «добро и детей покойного». Следуя обычаю, семья Торольва должна была объявить кровную месть семье убийцы. Конунг не хотел развязывать конфликт среди своей дружины и решил примерить семьи с помощью брака: обязал ближайшего родича убийцы жениться на вдове и взять на себя

воспитание детей погибшего. Эйвинд дал слово выполнить приказ конунга. Он просил руки Сигрид, и Сигрид «не видела другого выхода после того, что было, как подчиниться...» [7, С. 61–25].

Это брак можно назвать вынужденным, поскольку, судя по формулировкам, использованным в саге, обе стороны не видели другого выхода «после того, что было, как подчиниться».

Супружеская верность жен строго охранялась ревнивыми и мстительными мужьями, которые весьма пеклись о своей и семейной чести: неверную жену муж жестоко наказывал и отсылал к ее сородичам, которые могли даже продать ее в рабство. Западноевропейские хронисты утверждали, что у каждого скандинава якобы имелось по две-три жены, а у знатных их было без числа [20, С.24].

Обладала женщина и правом на развод, которым могла воспользоваться в случае обнищания супруга, причинения ей обиды или недостойного поведения (например, если он носил одежду, напоминающую одежду женщины).

Процедура развода была простой, достаточно было высказать причины развода и предоставить свидетелей. Сам по себе развод оскорблял родню обеих семей и служил поводом для распри, однако жены расторгали браки с частотой, возмущавших современников из других стран. После принятия христианства они лишились этой возможности [12, С.127].

При этом муж вполне мог изменять ей с другими женщинами. Это не являлось поводом для развода и раздела имущества.

Разница в положении могла стать причиной развода. Прежде всего, таким поводом стремились воспользоваться мужчины знатного рода. В сагах есть много примеров, когда конунг или ярл, влюбившись в знатную женщину, решал развестись со своей женой, не столь высокого происхождения.

В литературных источниках, таких как саги и пряди, говорится о конунге по имени Рагнар Лоброг, который хотел развестись со своей женой,

Кракой, чтобы женится на другой, женщине, которая была по статусу выше, ей была Ингибьёрг – дочь шведского конунга, но после того, как Крака объявила, что она дочь Сигурда Победителя драконов и имя её Аслауг, Рагнар изменил своё решение [39].

Викинг имел право не просто заводить себе любовниц, но мог приводить наложниц прямо в семью, и они жили в одном доме вместе с женой.

Одни воины привозили девушек из грабительских набегов на соседние земли, другие покупали рабынь на невольничьих рынках, третьи вступали в отношения с женщинами из низших социальных слоев общества. Часто у одного викинга, помимо официальной супруги, было две–три наложницы.

Жены не возражали, ведь любовницы не имели никаких юридических прав и не угрожали их статусу.

Статус и права свободнорожденных женщин представлены в исландском законодательстве довольно подробно, в то время как права и статус рабынь никак не урегулированы.

В то же время, даже свободнорожденная женщина в Исландии, имеющая собственное хозяйство и осуществляющая управление им, не имела практически никаких юридических процессуальных прав, то есть, не принимала участия в процедурах правового характера.

Например, судьями на альтинге и на весенних тингах могли быть только мужчины. Также, женщина не могла войти в состав коллегии, которая изучала свидетельские показания. А данные коллегии по своему статусу являлись важнейшим элементом правоприменительной практики и осуществления власти.

Запрет на участие в коллегиях присяжных имел самые серьезные правовые последствия. Он означал, что женщина, даже возглавляя хозяйство, имела меньше формальных прав, чем ее же собственные наемные работники – ведь даже люди, не владевшие землей, могли быть назначены в эти

коллегии (нужно было лишь быть старше 12 лет и зарабатывать себе на пропитание).

Но, если девушка была единственным ребенком, то ей разрешалось присутствовать на тингах и держать слово. Впрочем, это были крайние, вынужденные меры. Неизвестно, могли ли женщины публично выступать на тингах, но из контекста упомянутых древнескандинавских судебников можно предположить, что это им не разрешалось. Женщины, естественно, присутствовали на тингах, но лишь как сторонние наблюдатели – в процессе судебных разбирательств они не участвовали.

Ключевым моментом и основой всего института мести в старом исландском обществе является тот факт, что преступление против личности воспринималось как оскорбление всей семьи.

Однако сами мстить женщины не могли, поэтому при помощи своей хитрости они могли заставить мужчин совершить месть от своего имени, или же, напротив, заставить их взять себя в руки. Аналогичным образом женщину можно было вызвать на суд ответчицей, но опять же только через назначенного ей представителя – мужчину.

Каковы бы ни были исходная цель и глубинный смысл этих положений, в контексте исландского общества они защищали женщин от риска подвергнуться насилию, к каковому нередко прибегали на разных стадиях хода судебного процесса и тяжб. Однако, согласно положениям «Серого гуся», женщинам запрещалось носить оружие.

В данном контексте необходимо отметить то, что мужчина мстит, а защищенная законом женщина подстрекает к мести. Такова главная, отнюдь не романтическая роль женщины в сагах и прядях. Поведение подстрекательницы обеспечивалось ее защищенностью в ходе распри, так как женщин и детей нельзя было убивать, в отличие от мужчин.

«Серый гусь» перечисляет шесть женщин, поправная честь которых дает мужчине право на немедленное убийство: жена, дочь, мать, сестра, воспитанница и воспитательница [34, С.163].

В «Саге о битве на Пустоши» Барди получил пощечину от матери за то, что сел на место своего убитого старшего брата, не отомстив за него. Затем женщина подала сыновьям камень вместо хлеба со словами: «Вы не достойны лучшего, чем камень, потому что не мстите за брата и позорите свой род» [2, С.68-69]

При подстрекательстве женщина иногда набрасывает на будущего мстителя окровавленные одежды убитого, которые она заранее сохранила для этой цели. Исландец, осуществивший справедливую расправу в пряди, не осуждается, а напротив, приобретает уважение и авторитет, становится героем. А, следовательно, женщина, «законным подстрекательством» укорявшая родственника за то, что тот медлит с возмездием, позоря честь рода, заботилась лишь о достоинстве семьи, чем снискивала одобрение социума. Такое настойчивое и подробное представление женщины в роли зачинщика или подстрекателя, который контролирует механизм разрешения споров, является идеализированной интерпретацией ее правового статуса, что подтверждает ее полноправное положение в системе родственных отношений.

Ведение большого хозяйства в суровых условиях требовало от женщин рассудительности, предусмотрительности, хладнокровия, а иногда бесстрашия и решительности, от которых зависела жизнь ее и семьи.

Характерно, что викинги не требовали мягкости и восточной покорности от жены, напротив они ожидали разумных советов и поддержки, она одна могла усмирить гнев мужа, образумить его и, в конечном счете, повлиять на исход дела. Поэтому многие мужчины стремились заручиться поддержкой мудрых женщин, особенно при дворе вождей. Это не было пустяком, учитывая, насколько искусно тогдашние женщины подстрекали мужчин к убийству.

Женщинам не нужно было самим братья за оружие, главным их оружием было красноречия, чтобы разжечь вражду между семьями и пролить кровь. Чаще всего именно сестры, матери и жены напоминали мужчинам о

мести, о том, что нанесенные обиды могут быть примирены лишь кровопролитием, попрекали «женовидностью», ленью и трусостью, угрожали разводом и язвительными речами растравливали душу. Это вело к жестоким столкновениям, в которых гибло множество воинов, они также требовали отмщенья, и кровавый круг замыкался.

В исландском обществе ценились не только физическая красота и благородное происхождение женщины, но и её ум, гордость, иногда даже заносчивость, решительность, практическая сметка и умения. Все эти качества были социально значимы, поэтому неизменно приводятся в сагах и прядях.

Об особом статусе женщины свидетельствует институт скандинавского наложничества. Знатный и богатый мужчина часто заводил себе несколько наложниц более низкого происхождения, чем он сам. Девушки-рабыни сопровождали скандинавов в походах и торговых сделках, нередко их использовали для любовных утех [14, С.108].

Иногда девочку отдавали в семью, с которой враждовали, как заложницу. Расчет был прост: кто-то из викингов из другого клана начнет сожительствовать с ней, а после рождения ребенка в таком союзе бывшие враги станут родственниками и военное противостояние прекратится.

Положение женщины, ставшей наложницей влиятельного и богатого мужчины, повышалось как внутри семьи, так и в округе. Она была уважаемым членом общества. Видимо, повышался и статус рабыни, если она становилась наложницей господина.

Однако дети наложниц были незаконнорожденными и не имели прав на наследство, если глава семьи вообще давал им возможность жить, а не распорядился отнести новорожденных в лес. Однако, если ребенок подавал надежды и выделялся красотой и силой, отец проводил «*ætteleiðing*», т.е. принятие в семью и наделял его имуществом [14, С.109].

Безусловно, по твердости духа скандинавские женщины не уступали своим воинственным мужчинам, но при этом не посягали на традиционно

мужские занятия. Находясь в мужской воле, они, тем не менее, обладали чувством собственного достоинства и пользовались почтением у своих грозных супругов, державших на тот момент в страхе Европу. В принципе, само устройство древнескандинавского общества способствовало взаимоуважению между людьми. И, конечно, всем этим мужчинам и женщинам были ведомы ревность, любовь, верность, тоска и желание, о чем так лаконично отзываются саги и пряди.

Таким образом, подводя итог данному разделу, можно сделать вывод, что, с одной стороны, женщина в исландском обществе играла важную роль, поскольку была не только женой и матерью в семье, но и вела семейное хозяйство. А с другой стороны, многие ее юридические права были ущемлены за счет повышенной роли мужчины в исландском обществе. Однако, полагаем, это связано с характеристикой и особенностями исторической эпохи. В данный период мало государств предоставляли женщинам полный набор прав наравне с мужчиной.

В частности, были обозначены имущественные и наследственные права женщины, ее статус в браке. Однако, наличие многих форм брачных отношений и сожителства, несколько ограничивали ряд женщин, например, наложниц, в осуществлении таких прав.

С социальной точки зрения статус женщины определялся ее рождением: свободной или рабыней. Последние не имели никаких прав.

В целом, анализ показал, что женщины, несмотря на юридическое неравноправие, все же играли важную роль в жизни исландского общества.

2.2 Образ женщины в исландских прядях

В древнескандинавской литературе женщины предстают в самых разнообразных образах: жены и матери, хозяйки поместья, предводителя рода, организатор военных походов, заговорщицы, правительницы, вдохновительницы, помощницы, советницы, поэтессы, жрицы и другие. Девочки в богатых семьях часто имели воспитателей, получали достойное

образование, учились читать, получали много полезных навыков и ремесел. Первые искусницы даже получали соответствующие прозвища, например, Тора Кружевная Рука.

Характерно, что женские прозвища в встречаются в прядях хотя и гораздо реже, чем у мужчин, но в отличие от них, описывают только положительные характеристики героинь: мудрость, красоту, красноречие и т.п. («yndislegt» – Чудесная, «fegurð ársins» – Краса Года, «ríkur» – Богатая, «stoltabekkir» – Гордость Скамьи (невеста), Украшение Скамьи, «brúðr» – Невеста, Многомудрая, Премудрая, «skipskistu» – Корабельная Грудь (т.е. большая), «kong móðir» – Мать Конунгов, «leggu» – Длинноногая, «bjart» – Светлая; Повитуха, «grannur» – Стройная, «rauðkinn» – Краснощекая, «voldugur» – Могучая, «stoltur» – Гордая, Честолюбивая, «hvíti svanurinn» – Лебязьебелая, «áreiðanlegar» – Надежная).

В то же время, если проанализировать названия прядей, то в прядях из состава «Книги с плоского острова», «Гнилой кожи», а также прядей, не вошедших в состав исландских саг, ни в одном названии не упоминается женщина. Таким образом, главным героем исландских прядей является, прежде всего, мужчина. Образ женщины выступает как второстепенный.

Эту мысль также подтверждает тот факт, что в прядях знакомство с женщиной происходит путем обозначения ее происхождения или статуса по отношению к мужчине, то есть, кем для нее является тот или иной мужчина. Например, в «Пряди о Сигурде Слюне» говорится о невесте Эйнара «Гудрун, дочь Клюппа – достойная невеста на выданье» [1, С.10], в «Пряди о Торвальде Путешественнике» в начале рассказа говорится о трех братьях и их женах, и детях. Рассказывая об одном из братьев, автор говорит о его жене и дочери: «Второй был Атли Сильный. Его женой была Хердис дочь Торда с Мыса. Их дочерью была Торлауг...» [1, С.42]. И таких примеров необычайное множество.

Таким образом, мы видим, что знакомство с женщиной начинается не с представления ее как женщины, описания внешности и т.д., а с обозначения

статуса, причем статус этот напрямую привязан именно к мужчине. Это говорит о том, что женщина не является самостоятельным, отдельным от всего героем пряди, а является частью жизни мужчины.

В целом, текст пряди подтверждает мысль о наличии зависимости древнеисландской женщины от мужчины, которая выражена, прежде всего, юридически. В свою очередь, именно правовой статус порождает особенности статуса социального, а также обозначает роль женщины в этом обществе.

Несмотря на второстепенное значение в литературном произведении, женщина играет важную роль в жизни исландского мужчины, зачастую определяя его поступки. Так, например, в «Пряди о Эйндриди Широкошопом» герой принимает участие в состязании по стрельбе и ему предлагается выстрелить в мишень на голове у ребенка. Для всех участников процесса такое событие является рядовым и не вызывает никаких вопросов. Однако, именно мать и сестра героя не позволяют сделать выстрел, уговорив, что лучше принять поражение, чем совершить такой поступок. В пряди сказано так: «конунг сказал Эйндриди, что теперь его очередь, и предложил ему подойти и сделать свой выстрел, если он хочет, но тут к Эйндриди бросились его мать и сестра и, плача, принялись упрашивать его не делать этого. Эйндриди сказал конунгу:

– Я не боюсь причинить вред мальчику, если тоже выпущу стрелу, но все же на этот раз я не стану стрелять» [1, С.153-154].

То есть, главный герой, с одной стороны, будучи уверенным в собственных силах, а с другой стороны, видящий слезы матери и сестры, делает вывод, что последние для него более убедительны. И даже тот факт, что его поступок расценивается впоследствии как поражение, не заставляет его изменить своей позиции. Это говорит о том, что мать и сестра имеют определенное влияние на принятие мужчиной решений и совершение им поступков, а, соответственно, роль женщины, хоть и не обозначена как главенствующая, все же весома.

Женщина является существенной частью содержания исландских прядей. И даже если само описание ее жизни и занимает небольшую долю в общем повествовании, ее поступок, слова или образ жизни могут являться для главного героя определяющими. Так, например, в «Пряди о Торвальде Путешественнике» провидица Тордис по прозвищу Прорицательница, гостя у Кодрана – отца Торвальда, указывает отцу на его неодинаковую любовь по отношению к сыновьям, очень сожалея о его таком отношении. Чтобы, с одной стороны, уберечь ребенка от отца, который его не любит, а, с другой стороны, чтобы обеспечить ему будущее, она говорит: «Мой тебе совет впредь выказывать больше расположения твоему сыну Торвальду, чем ты до сих пор это делал, так как я предвижу, что он во многих отношениях прославится куда больше всех твоих родичей. Однако, если ты его недолюбливаешь, дай ему денег и, коли найдется кто-нибудь присматривать за ним пока он молод, отпусти его от себя» [1, С.42]. Кодран рассудил, что она говорит так из добрых чувств и послушал её совет.

Однако, провидица согласилась взять только те деньги, которые были получены честным путем, в порядке наследования, оправдывая это тем, что даже происхождение денег может сказаться негативно на чистом и светлом образе Торвальда. То есть, она уберегает его даже в таких мелочах.

Кроме того, в прядях далеко не всегда женщина показана как честная, целомудренная, бескорыстная и т.д., то есть, не как некий светлый образ, который привлекает внимание.

Так, например, в «Пряди о Сёрли» говорится о «прекраснейшей из женщин – Фрейе», но при этом, совершившей недостойный поступок. «Случилось однажды, что Фрейя подошла к скале, когда вход в нее был открыт. Карлики были заняты тем, что выковывали золотое ожерелье. Оно было уже почти готово.

Фрейе очень приглянулось ожерелье, а карликам очень приглянулась Фрейя. Она стала торговать ожерелье у карликов, предлагая взамен золото, серебро и другие ценности. Те отвечали, что не нуждаются в деньгах, и

сказали, что каждый из них желает сам продать свою долю в ожерелье, но что взамен они не согласятся принять ничего другого, кроме того, чтобы она по очереди провела ночь с каждым из них.

Понравилось ей это или нет, но на том и порешили. И вот по истечении четырех ночей и выполнении всех поставленных условий они вручили Фрейе ожерелье. Она удалилась домой в свой покой и помалкивала об этом, как будто ничего не произошло» [1, С.56].

Мы видим, что героиня не просто совершает неприглядный поступок, но еще и не считает его таковым, делая вид, что ничего не произошло. Этот эпизод говорит нам, что в прядях женщина оценивалась, исходя из реальных поступков. Образ женщины в данной пряди представлен так, как он есть, без прикрас и придания пафоса с целью повышения ее статуса.

Как уже говорилось, женщина могла обладать статусом по праву своего рождения. Причем, зачастую, жена была более высокого статуса, нежели ее муж, который вследствие такого брака и сам получал более высокий статус. Подтверждение данной мысли мы можем найти не только в правовых документах, но и в прядях. В частности, в «Пряди о Сёрле» во время разговора конунга и женщины из Серкланда, женщина говорит, что разница между конунгом и Хёгни в том, что: «Хёгни женат на высокородной женщине, а у тебя жены нет.

Он отвечает:

– Хёгни отдаст за меня Хильд, свою дочь, стоит мне только попросить ее руки, и тогда я буду женат ничуть не хуже, чем он» [1, С.62].

Таким образом, статус жены придаёт большой вес её мужу.

Именно женитьба изменила жизнь героя и в «Пряди о Храфне сыне Гудрун», где говорится, что «Храфн уехал в то же лето в Исландию и приехал как раз на альтинг. Там его дело было быстро улажено. После этого он уехал из страны вместе с матерью. Храфн взял в жены Хельгу, и конунг дал им большие владения» [1, С.346].

У женщины было право на распоряжение имуществом мужа по своему усмотрению, и мужчина не запрещал ей этого делать. Возможно, основываясь на данной традиции, Исландия, спустя многие годы и придет к пониманию необходимости равноправия.

Стоит отметить, что, не будучи главной героиней, женщина могла изображаться как самостоятельная участница событий. Так, например, в «Пряди об Эйндриди Широкошпоном» рассказывается о женщине: «В то время неподалеку отсюда в соседнем дворе жила женщина по имени Торхильд. То была женщина недюжинная и весьма ведающая в колдовстве» [1, С.145]. Именно Торхильд помогает Торхаллю в объяснении его сна и спасает его имущество.

Еще большей властью обладает женщина-правительница. Такие нередко встречаются в тексте исландских прядей, например, в «Пряди о Харальде Гренландце». В ней рассказывается о женщине по имени Сигрид: «она была женщина молодая и красивая, и очень властная» [1, С.200]. Случилось так, что муж Сигрид – конунг Швеции Эйрик Победоносный умер, и поэтому к ней начинают свататься. И вот осенью решает Сигрид устроить пир и созывает на него всех конунгов. «В тот же вечер прибыли туда шесть других конунгов, и все они были намерены свататься к Сигрид конунговой жене. Она устраивает угощение для своих женихов и помещает их всех вместе в один дом» [1, С.201]. Той же ночью Сигрид жестоко расправляется с ними и говорит, «что так она отучит мелких конунгов приезжать из других стран и свататься к ней» [1, С.200-201].

В данном случае показан образ женщины как жесткой правительницы, которая беспощадно убила тех, кто ей пришелся не по нраву. Такое описание женщины схоже с теми образами, которые в отношении исландских женщин считаются стереотипами – женщина-воительница, валькирия. Однако, именно в таком изложении образ женщины в изученных нами прядях больше нигде не встречался.

В то же время, женщина, обладающая той или иной властью (как властью в целом, так властью над мужчиной) могла выступать в качестве подстрекательницы. Так, например, в «Пряди об Эймунде сыне Хринга» рассказывается о междоусобной войне трех братьев, в ходе которой один из братьев погибает. Как-то раз у одного из братьев – Ярицлейва, гостил конунг Эймунд, который собирался уехать к его брату, чтобы помочь тому в защите своих земель, но Ярицлейв не хочет его отпускать и вместе со своей женой решают убить его, дабы тот не сказал о нем лишнего. Жена в данном случае является неким подстрекателем, намекая мужу о том, что Эймунд может доставить много хлопот, поэтому его следует убить.

Вместе они решают, что конунгова жена вместе с верными людьми отправится к кораблям Эймунда, в определенный момент она подаст знак, бросив вверх перчатку, и тогда подданные должны схватить его и убить. Увидев это, Эймунд понимает, что это было знаком, но план их не сработал. В конце концов, благодаря Эймунду и его мудрости братья мирятся и живут мирно каждый в своих владениях [1, С.236-237].

Некоторые женщины вызывали у исландских мужчин чувство глубокого уважения, ввиду наличия у них особенных способностей. Так, «В те времена в обычае было, что по стране ходили женщины, которых называли вёльвами, и предсказывали людям, что им суждено, какой выдастся год, и прочие вещи, которые им хотелось узнать» [1, С.166]. Такая женщина предсказывала будущее в «Пряди об Орме сыне Сторольва», при этом ей со стороны героя был оказан хороший прием, всевозможные почести и уважение.

Уважением обладали не только женщины с необычными, сверхъестественными способностями, но и женщины, обладающие мудростью. Так, например, в «Пряди о Хауке Задаваке» главный герой Хаук отправляется к воспитательнице Харальда конунга, чтобы та помогла им советом. Об этом сказано так: «Но я отправляю вас к моей воспитательнице, которую зовут Хейд и которая живёт на севере в Гандвике. Слушайте во

всем её советов. Я посылаю ей золотое обручье весом в двенадцать эйриров, двух копченых старых диких кабанов и два бочонка масла» [1, С.180].

В данном случае женщина, которая с детства воспитывала конунга, вызывает чувство глубокого уважения у героя, он преклоняется перед ее мудростью и всегда следует ее советам. По сути, мы видим, что женщина оказывает влияние на решения, принятые мужчиной.

Хотя в прядях говорится, что унижительно находиться под властью женщин, но замужние женщины в Исландии всегда занимали сильные позиции. Исландия первоначально была страной крестьян и рыбаков. Там не было беспомощных неработающих женщин. Все в равной степени были заняты трудом.

Однако, если говорить о женщине, как об объекте любви, мы не встретим упоминаний об этом в прядях. Но ради женщины скандинавский мужчина совершал подвиги, разрывал дружеские связи, оставлял привычные занятия.

Стоит отметить, что анализ текстов прядей показал, что, несмотря на поведение, и свойства, и черты характера, женщина в исландских прядях всегда предстает в образе, имеющем прекрасные, красивые черты.

Мы можем увидеть в прядях такие указания на это: «на престоле восседает женщина, статная и красивая собой» [1, С.60]; «одна из женщин выделялась своей красотой и все остальные прислуживали этой видной женщине» [1, С.105]; «в шатер вошла женщина, статная и решительная, она была нарядно одета и пригожа лицом» [1, С.172]; «Рёгнвальд получил в жены Сигрид. Она была женщина красивая и видная» [1, С.67]; «У них осталась дочь, которую звали Мардэль. То была девушка красивая и видная и во всем походившая на свою мать. Была она работящая и приветливая, и, когда выросла, люди очень ее любили» [1, С.579-580].

Специфика исландского сознания заключается в признании равного положения мужчины и женщины, насколько это было возможно для Средних веков. В отличие от ветхозаветных Адама и Евы, Аск и Эмба, перволюди в

скандинавской мифологии, были сотворены одновременно и независимо друг от друга. Асиньи, верховные скандинавские богини, наделены большой силой и властью, они знают и вершат судьбы всех сущих. Фрейе, жене Одина, принадлежит половина погибших в бою воинов, также в её честь назван день недели – «Friday».

Идунн, богиня молодости, хранит омолаживающие яблоки. Хель, хозяйка подземного царства мертвых, будет сражаться вместе с мужчинами в день Рагнарека. Богиня Ран со своими дочерьми повелевает морскими штормами. Валькирии, воинственные девы с гордыми именами «Сила», «Молния», «Битва», «Путы войска» решают (иногда даже вопреки воле Одина) исход битвы и судьбу воинов. И все-таки, в германо-скандинавской мифологии обнаруживаются моменты превосходства мужчин.

Женщина в исландских прядях выступает в совершенно разных ипостасях, что еще раз подчеркивает ее роль в исландском обществе. Те образы, которые представляют женщины в древнеисландском обществе, выявленные на основе изучения прядей, могут быть обозначены так: мать, жена, сестра, дочь, любовница, воспитательница, колдунья, богиня, воительница, подстрекательница, повелительница и многие другие.

Таким образом, женщина в исландских прядях предстает перед нами в более чем десятке образов, что говорит о разносторонних функциях, которые выполняла женщина в древней и средневековой Исландии.

Образ женщины в исландских прядях представляется нам неоднозначным. Женщина не играет исключительно положительную или негативную роль в обществе. Она предстает в совершенно различных образах, что говорит о том, что в прядях говорится о женщинах, которые реально жили в Исландии в анализируемый период (за исключением богинь), что это не вымышленные персонажи или образы, которые не имеют ничего общего с реальностью.

С одной стороны, женщина предстает как мать, которая дает правильные советы сыну и заботится о его судьбе, а, с другой стороны, она

является плутовкой, которая нацелена на получение богатства. С одной стороны, она верная жена, а, с другой стороны, любовница. Женщина манипулирует мужчиной, принося ему этим как пользу, так и вред. Она воспитывает его и подстрекает к его убийству. Это только часть тех образов женщины, которые представлены в исландских прядях.

Именно такое количество образов говорит о том, что такая женщина естественна и реальна. Кроме того, множество выполняемых функций подчеркивает важность женщины, как части исландского общества.

Несмотря на то, что в правовом смысле на женщину было возложено множество ограничений, которые не позволяли ей осуществлять свои права в юридическом смысле, но тонкий ум и природные данные позволяли ей фактически быть наравне с мужчиной, даже если он этого и не замечал.

В целом, подводя итог по данной главе, можно отметить, что еще в глубокой древности исландская женщина выступала как один из важнейших субъектов общества. Анализ прядей показал, что они в полной мере соответствуют текстам законов, в соответствии с которыми у женщин было меньше прав, по сравнению с мужчиной, что мужчина признавался главой семьи.

Именно женщина является тем направляющим фактором, на основе решений которого строится дальнейшая жизнь семей. Все это не прописано в законе, однако пряди, многие из которых были основаны на исторических фактах, говорят именно об этом.

Нередки были случаи, когда мужчина, за счет более высокого статуса женщины, пытался повысить свой статус, для чего он женился на женщине более высокого происхождения. При этом, несмотря на более низкое происхождение, по закону он имел больше прав, чем женщина, рожденная в богатой или знатной семье.

Женщина была хозяйкой в доме. Когда мужчины не было (он был в походе), то именно женщина осуществляла управление домом. Женщина

воспитывала детей, в том числе и мальчиков, которые, вырастая, получали полный перечень прав, предусмотренных законом.

То есть, мы видим, что правовой статус женщины не всегда совпадал с ее фактической ролью в обществе.

ГЛАВА III. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

3.1 Язычество у исландцев

Первые упоминания о религии древних германцев историки находят у античных авторов в I веке нашей эры [14, С.357]. В то время все германские племена, в том числе и скандинавские, были связаны тесным родством. Общими были не только язык, но и верования. Именно тогда зарождаются первые представления о богах и героях. Древние скандинавы считали, что миром правят боги и духи, и преклонялись перед ними. Перед всеми важными делами или в беде к ним обращались с просьбой и приносили им жертвы. Такая форма религии традиционно именуется язычеством.

Все начиналось с простого обожествления явлений природы. Со временем была образована большая мифология с историями о воинственных богах, отражающая образ жизни викингов. Борьба народа с природой легла в основу скандинавской мифологии, таким примером может служить миф, который повествует о борьбе Тора с великанами, и многие другие.

Первые поселения в Исландии были основаны примерно в конце IX века скандинавами, которые имели богатую мифологию, национальные идеи и фольклор.

Скандинавы считали, что духи природы населяют моря, горы, поля, камни, деревья. В Исландии X века «ландфеттирам» – духам земли – посвящали поля и горы. Гора была особым местом, местом поклонения богам. В горах и на холмах совершали жертвоприношения. Такое место назвалось «blot», которое переводится как «кровавое жертвоприношение», оно было похоже на небольшие каменные пирамиды [14, С.358-359].

Многие жертвоприношения совершались под открытым небом и поэтому стали возникать так называемые святилища или скандинавские круги – «randlar». Они представляли собой круг из плотно сложенных камней, величиной от 7 до 15 метров, в центре которых, вероятно, был очаг. Но встречаются еще святилища, сложенные в виде четырехугольника, углы

которого расположены в направлении сторон света, реже – в виде треугольника. Такие святилища были найдены в Швеции и Дании. Самое большое святилище находится в Йеллинге в Дании. В прядях неоднократно упоминаются жертвоприношения языческим богам. В «Пряди о Хауке Задаваке» Эйрик конунг приносит жертву богу Лютиру – богу войны, чтобы заручиться его поддержкой в борьбе против конунга Норвегии Харольда, за то, что его приближенный Хаук помешал ему купить себе самый красивый плащ [1, С.180].

Судные места тоже были священными. Судьи, вождь и его дружина, мудрые люди, рассаживались на таких местах под открытым небом вовремя тинга. Эти места находились на пригорках или высоких камнях, делалось это для того, чтобы люди лучше слышали и видели их. Также это могло означать неизменность судебных приговоров. Вблизи таких возвышений встречаются древние алтари для жертвоприношений. Тут же археологи находят могильные курганы и другие захоронения. Например, в «Пряди о Свади и Арноре Старухин нос» говорится о схватке Свади и Торварда Крещенного, в ходе которой Свади был убит и похоронен по языческому обычаю: «И вот, в той самой могиле, которую он (Свади) уготовил ни в чем не повинным людям, был теперь погребен он сам, злой язычник, как полагалось по древнему обычаю, вместе со своей собакой и конем» [1, С.141].

Скандинавских богов великое множество и сосчитать точное их количество сложно. В мифах и легендах часто встречаются множество второстепенных богов, которые играют незначительную роль и практически не принимают участия в основных событиях. Самыми важными богами считались Один, Тор и Фрейр. Один был предводителем богов, богом войны, отваги и мудрости. Тор был богом грома, а Фрейр – богом изобилия и плодородия. Но были еще Ньярд и Фрейя, которые также почитались людьми и являлись богами плодородия. Богов скандинавской мифологии можно разделить на две семьи: Асы и Ваны. Асы – семья верховного бога Одина, к

ней относятся такие боги как Фриг – жена Одина и его многочисленные сыновья – Тор, Локки, Хеймдалль, Тюр и др. [8, С.9-18].

Ваны – семья бога Ньёрда, к ней относятся боги плодородия – Ньёрд, Фрейр, Фрейя [8, С.76].

Плодородие на суше и на море было обязательным и важным условием жизни древних исландцев. Поэтому и культ богов плодородия осуществлялся в виде обрядов, которые символизировали оплодотворение. Одним из таких культов был культ коня. Конь и вепрь были символами плодородия, именно их приносили в жертву богу Фрейру. На конях, посвященных Фрейру, нельзя было ездить, конину ели только на жертвоприношениях. Также был довольно непристойный, но важный культ – почитание детородного члена жеребца. Это было специальным блюдом, которое подавали со священными травами и луком и клали на колени хозяину дома, для умножения потомства, а также увеличения урожая [14, С.362].

Среди богов существовала иерархия. В «Старшей Эдде» говорится, что сначала следовало поднять чашу за Одина; ее следовало пить за победу и власть своего короля, а затем чаши Ньёрда и Фрейра – за урожай и мир [8, С.32]. Одним из могущественных богов был Тор, покровитель ярлов. В «Пряди о Свейне и Финне» рассказывается о человеке по имени Свейн, у которого «в усадьбе было большое и богато убранное капище. Там было множество идолов, но выше всех Свейн ставил Тора» [1, С.117]. Таким образом, мы можем предположить, что, в зависимости от своего социального статуса, человек поклонялся тем богам, которые отвечали его интересам и сфере деятельности.

Викинги представляли своих богов существами, подобными себе, боровшимися с силами зла. Такая вера способствовала проявлению героизма, так как, умирая смертью героя на земле, воины возносились к богам в Вальхаллу, рай викингов, и продолжали сражаться там бок о бок с богами. Однако смерть не идеализировалась. Ад или «Хель», в скандинавской мифологии представлял собой мир бедности и голода. Снорри так описывал

Хель в представлении древних скандинавов: «Там у нее большие селенья, и на диво высоки ее ограды и крепки решетки. Мокрая Морось зовутся ее палаты, Голод – ее блюдо, Истощение – ее нож, Лежебока – слуга, Соня – служанка, Напасть – падающая на порог решетка, Одр Болезни – постель, Злая Кручина – полог ее» [8, С.472].

Помимо древних богов, исландцы верили в существование различных мифических существ, таких как эльфы, тролли, гномы и др. Причём мифические персонажи Исландии несколько отличаются от тех, которые обитают в других частях Скандинавии. Так, например, у норвежцев тролли – существа небольшого роста, а у исландцев – это великаны, живущие в горах. Гномы же, как им и положено, живут среди скал и под землёй. В Исландии гномов называются «*neðanjarðar íbúar*», то есть, «подземные жители», чей мир является отражением мира человека. Исландцы до сих пор глубоко верят во всё мифическое, поэтому многие исландские сказки полны чудес, и прекрасно отражают глубину древней исландской культуры.

В прядях мы нередко встречаем упоминания об этих сказочных персонажах. В «Пряди об Орме сыне Сторольва» рассказывается об удивительных событиях, которые произошли в жизни Орма. Его отец – Сторольв, был пятым сыном своего отца, и молва о нем ходила такая: «Сторольв был силен, как никто, и о нем шла молва, будто он оборотень. Человек он был мудрый и сведущий во многих вещах, и поэтому его называли колдуном» [1, С.162]. Сам же Орм был тоже человеком недюжинной силы: когда отец посылает его косить сено, он скашивает траву вместе с буграми. Он был хитер, он смог обхитрить Дуфтака, человека, которого считали колдуном и оборотнем. На альтинге Орм мерился силою с силачом по имени Торвальд и смог поднять мизинцем большой котел с песком. Благодаря своей силе Орм прославился и, когда ему минуло тридцать лет, он уезжает из страны и отправляется в далекое путешествие вместе со своим другом или, правильнее сказать, побратимом – Асбьёрном. Во время путешествия они находят два странных острова, которые носят название

«Овечьи острова». Правил там великан по имени Бруси, «это был огромный тролль и людоед, и считалось, что людям ни за что его не одолеть, как много их бы не было. Но еще хуже было иметь дело с его матерью. То была огромная черная как уголь кошка размером с самого большого жертвенного быка» [1, С.167]. Прознав про это, Асбьёрн, окрыленный любопытством, отправляется на этот остров, несмотря на все отговорки Орма, и там его поджидает смерть от рук Бруси. И вот, чтобы отомстить за своего побратима, Орм отправляется на этот остров, где встречает сестру великана по имени Менглэд, которая помогает ему одолеть Бруси с помощью волшебных рукавиц. Кстати, именно в этой пряди мы встречаем пример одной из самых жестоких пыток, которая называется «кровавый орел»: «Он (Орм) выхватил кинжал и вырезал у него на спине кровавого орла – удалил все ребра, а потом вытащил легкие. Так Бруси лишился жизни» [1, С.174]. За все свои деяния Орм получил прозвище «Силач», он был на службе у Эйрика ярла и умер в глубокой старости.

Помимо троллей и великанов, главные герои пряди встречаются с карликами, которыми являются колдунами и нередко помощниками для главных героев. Так и случилось в «Пряди о Норна-Гесте». Главный герой Гест – человек сильный, смелый, сведущий во многих искусствах, особенно в игре на арфе, помимо этого Гест рассказывал удивительные истории. Рассказывая о своих путешествиях, Гест упомянул Сигурда, сына Сигмунда, который обучался у карлика-колдуна, мудрого, свирепого и сведущего в колдовстве, который научил Сигурда многим вещам.

«Прядь о Торстейне Силе Хуторов» [1, С.183] рассказывает об удивительных приключениях Торстейна, который побывал в подземном мире, в стране великанов, где чудом остался жив, повстречался с карликом, который за оказанную ему помощь подарил Торстейну волшебные предметы: рубашку, надев которую не получишь ни одной раны, серебряное кольцо, с которым всегда будешь при деньгах и кристалл, который повелевает стихиями.

Языческая религия исландцев пропитана магией и тайнами. Магия сопровождала не только деяния богов, но и поступки людей, которые имели возможность сглазить или околдовать кого-то, наслать бурю, потоп, оползень. Про Одина говорили, что он сведущ в колдовстве. Но для мужчины колдовство считалось позорным делом, именно поэтому в скандинавской мифологии колдовству обучали женщин, жриц [35, С. 56-57].

В прядях неоднократно упоминаются колдуны и вещуньи, которые предсказывают судьбу, помогают главным героям в их грядущих испытаниях, либо насылают проклятия и беды.

Например, в «Пряди о Тидранди и Торхалле», о главных героях говорится так: «Торхалль был человек мудрый и ясновидящий, и его прозвали Торхалль Вещун. Торхалль жил в то время на Священной Земле, а Халль с Побережья в Капище в Лебязьем Фьорде, и между ними была самая что ни на есть большая дружба. Старшего сына Халля звали Тидранди. Он выделялся красотой и подавал большие надежды» [1, С.136]. Однажды во время пира Торхалль предсказал, что случится беда и велел никому не открывать двери и не выходить на улицу при свете луны, но Тидранди не послушал его, так как был слишком любезен. В тот же миг, когда он открыл дверь, он увидел женщин в черных и белых одеждах, которые напали на него. Тидранди мужественно сражался, но пал. Этим женщинам прозвали дисы – существа, божественные девы, появляющиеся то как духи-хранители, (в данной пряди – это духи-двойники умерших предков), то как враждебные силы. К дисам также относили норн – женщин-волшебниц, обладавших даром предвиденья, и валькирий – воинствующих дев, которые выбирают, кому из павших воинов удастся попасть в Вальхаллу.

Это было знаком, который Торхалль объяснил, как принятие новой веры: «...здесь грядет смена веры, и после этого сюда в страну придет лучший обычай. Сдается мне, те ваши дисы, что были привержены прежней вере, знали об этой смене наперед, а также о том, что они будут отвергнуты своими родичами. Похоже, им это пришлось не по нраву, вот они и решили,

прежде чем вы расстанетесь, получить с вас дань, и выбор их, видно, пал на Тидранди. Лучшие же дисы, верно, пожелали помочь ему, да не смогли» [1, С.138]. Здесь мы видим встречу главных героев со сверхъестественными силами и попытки одолеть их, но эти попытки были обречены на неудачу.

Как уже говорилось ранее, в прядях колдунами и предсказателями чаще всего выступали женщины. Женщин-предсказательниц называли вёльвами. «Vǫlva» в переводе означает «носитель волшебного жезла», что указывает на атрибут вёльвы, являвшийся обязательным, в ранние периоды формирования образа. Вероятно, что «vǫlva» происходит от протогерманской формы «walwōn», от которой произошли древнескандинавское «vllr» и английское «wand», оба переводятся как «посох» или «волшебная палочка» [14, С.301]. Наиболее ранние упоминания о вёльвах или женщинах-пророчицах, встречается в «Географии» Страбона при описании древнегерманского племени кимвров. Провидицы кимвров, по Страбону, были пожилыми женщинами, одетыми в белое. Они приносили в жертву военнопленных и окропляли себя их кровью, чтобы узреть будущее. Вёльвы могли свободно путешествовать по селениям и предсказывать судьбы людей [8, С.4-6].

Вёльвы занимали особое положение в древнескандинавском обществе, об этом говорит, как минимум, тот факт, что даже Один, владыка Асгарда, обращается к прорицательнице за советом.

Этот эпизод хорошо известен благодаря подробному описанию, представленному в главе «Прорицание вёльвы» из «Старшей Эдды» [8, С.6-27]. В скандинавских аттах, т.е. кланах, молодые женщины, как правило, были обременены крепкими семейными узами и множеством бытовых обязанностей. Поэтому вёльвами становились те женщины, которые достигли почтенного возраста и уже не были привязаны к домашнему очагу. Вёльвы вели кочевой образ жизни, они странствовали между поселениями и обычно имели в свите нескольких молодых мужчин. За их помощью обращались при неурожае, падеже скота, распрях между сородичами. Услуги

вэльвы хорошо оплачивались. За их предсказания люди преподносили им дары и дорогие подарки.

В пряди «Об Орме сыне Сторольва» присутствует эпизод встречи Асбьёрна Горделивого – близкого друга Орма, с вэльвой: «В те времена в обычае было, что по стране ходили женщины, которых называли вэльвами, и предсказывали людям, что им суждено, какой выдастся год и прочие вещи, которые им хотелось узнать» [1, С. 166].

Редко, но встречаются и колдуны. Например, в «Пряди о Хельги сыне Торира», где мы знакомимся с Гудмундом, коварным колдуном, соблазнителем и противником всего христианского, в другой «Пряди о Торстейне Силе Хуторов» он предстает перед нами как добрый язычник. Вообще, Гудмунд с Гласисвеллира – легендарный персонаж, который встречается в ряде повествований, таких как саги и пряди «о древних временах».

После объединения Исландии и установления альтинга в 930 г. старая вера еще больше укрепилась, а христианство, в свою очередь, ослабло. До конца X века Исландия оставалась языческой страной.

3.2 Христианство у исландцев

Время самобытной и богатой древней языческой религии закончилось с распространением христианства.

Христианство – религия, для которой характерно миссионерство. Христианизация Севера шла, главным образом, через город Гамбург, который тогда был главным религиозным центром на севере Европы. После того, как ближайшие соседи скандинавов с южной стороны были крещены – кто-то силой, а кто добровольно, – миссионеры устремились на Север. Первой страной, которая приняла христианство, была Дания, так как она находилась ближе всех к христианским странам. Апостолом Скандинавии называют Ансгария (801–865), монаха французского бенедиктинского монастыря Корбье близ Амьена. Он проповедовал в Дании и Швеции.

Король Дании Гаральд Синезубый принял христианство около 960 года и установил каменный памятник, чтобы увековечить это событие. Норвегия и Швеция приняли христианство через полвека [14, С.368]. Пример миссионерской деятельности мы встречаем в «Пряди о Торвальде Путешественнике», где главный герой Торвальд, после своих странствий, наконец принимает истинную веру и «был крещен саксонским епископом по имени Фридрек». После своего крещения Торвальд предлагает священнику отправиться в Исландию, и вместе с ним «проповедовать слово Божье и попытаться обратить к Господу его отца и мать и прочих близких родичей» [1, С.45]. Однако они вынуждены были покинуть страну после того, как Торвальд убивает несколько людей, сопротивлявшихся новой вере.

Первым, кто совершил христианизацию в скандинавских странах, был норвежский король Олав Трюггвасон. Он рассылал миссионеров во все стороны и добился заметных успехов, однако не сумел полностью закончить свою миссию. В 1000 г. он погибает в битве против шведов [14, С.368].

Первым миссионером норвежского короля в Исландии стал Стефнир Торгильссон. Свою деятельность он начал с разрушения капищ и вскоре был изгнан с острова. Следующим был фламандский священник по имени Тангбранд. Ему удалось крестить несколько исландских вождей, но из-за своей нетерпимости к язычникам он убил несколько человек и был вынужден покинуть страну [50, С.38]. После этих событий король был в ярости, но произошло то, чего никто не ожидал. К королю прибыли два исландца-христианина, которые пообещали ему, что Исландия скоро станет христианской. Так и случилось, а звали этих людей Гицур Белый и Хьяльти Скеггьясон.

Введение христианства в Исландии произошло мирным путем, в отличие от других стран. Такой исход был следствием политических и экономических причин.

В новой религии видели могущественного союзника. Также христианство способствовало укреплению экономических связей, например,

торговцев, носивших распятие, свободно пропускали на границе. Как говорится из письменных источников, в частности саг и прядей, скандинавы принимали христианство вовсе не потому, что находили в нем высшую силу морали, а потому, что миссионерам удавалось – очень часто при помощи силы удавалось убедить людей в могуществе нового Бога. Ученые указывают, что принципами христианства для людей того времени были не гуманность и миролюбие, а щедрое вознаграждение всех, принявших новую веру.

В целом же введение христианства ознаменовало собой рубеж в развитии культуры, что вело к изменению норм морали и постепенному крушению старых традиций.

Однако даже те, кто принял крещение, оставались язычниками и соблюдали все то, что соблюдали и их отцы: они также приносили жертвы, доставляли различные дары к капищам и хоронили мертвых в курганах. Многие годы викинги, обратившись в христианство, полностью его не принимали и продолжали поклоняться своим старым богам.

Официально принятие христианства в Исландии произошло в 1000 г., именно этот год упоминает в своей «Книге об исландцах» Ари Торгильссон. Но сами исландцы были не до конца готовы к принятию новой веры, так как храмов и священников было очень мало. Постепенно сами вожди начинают строить храмы и приглашать священников для различных обрядов, таких как крестины или похороны. Отражение данного факта мы находим в «Пряди об Альбане и Сунниве», где рассказывается о юной девушке, которая после смерти отца стала управлять страной, но эта жизнь была для нее не в радость, и она решает посвятить себя богу и уехать из страны. Отправившись на кораблях в далекие земли, она находит остров Селья, где живет в пещере и следует заповедям Господа. Так и продолжалось, пока на остров не прибыл Хакон ярл, ярый язычник. Суннива и другие жители этого острова спрятались в пещере и молились, чтобы их тела не были растерзаны злыми язычниками, и в этот момент перед Хаконем ярлом обрушились камни и всех

людей завалило. Суннива же стала святой, и после смерти Хакона ярла, когда к власти в Норвегии приходит Олав конунг, он вместе с епископом отправляется на этот остров, где и закладывает церковь, ведь там были найдены останки Суннивы, которую люди прозвали святой: «Олав конунг повелел воздвигнуть церковь перед пещерой. В которой были найдены останки блаженной девицы, и там поклонялись ее святым мощам на протяжении жизни многих конунгов. Во времена Магнуса конунга, сия достопочтимая невеста Господня Суннива с ликованием и чудесными знаменами была перенесена в Бьёргюн, и ныне покоится там в великолепии в большой раке в церкви перед алтарем» [1, С. 23-24].

В «Пряди о Рёгнвальде и Рауде» Сигрид – жена Рёгнвальда, просит мужа принять новую веру, чтобы получить прощение за дурные дела, так как «Белый Христос так милостив, что не отказывает в прощении ни одному человеку, если тот готов стать христианином и держаться своей веры, пусть даже он прежде и совершил много дурного» [1, С. 70]. В этой же пряди говорится и об обряде исповедания: перед принятием новой веры человек должен признать все грехи перед Богом. Роль крестителя выполнял священник, но чаще всего это был конунг. Именно конунг рассказывает Рёгнвальду о Боге и христианстве: «Бог же, в которого ты должен поверить, настолько всемогущ, мягок и милосерд, что во время крещения он смывает с людей все их грехи - также и с того, кто совершил очень большое зло, если он пойдет на исповедь к священникам и с искренним раскаянием расскажет о своих злодеяниях» [1, С.72].

Также внедрением христианства конунги боролись со старой знатью, которая стояла за язычество, а христианство нужно было королям для централизации государства и обоснования своей власти.

Многие викинги принимали крещение на чужбине и зачастую проделывали эту церемонию не раз. Подобное крещение нередко бывало лишь условием заключения политического союза или мира, кроме того, при

крещении можно было получить новое платье и крестильные дары, а после него устраивались праздники.

Обряд крещения означал посвящение человека в новую веру. Иногда обряд крещения производился впервые, когда человек уже был на смертном одре. В «Пряди об Эгиле сыне Халля с побережья» у главного героя – Эгиля есть друг Тови, отец которого ярый противник христианства. Олав конунг, зная это, отправляет Тови к отцу, дабы тот приехал к нему и служил у него. Однако Вальгаут – отец Тови «обратил всю свою силу и власть против христианства и ни в какую не желает принимать эту веру» [1, С.250]. В конце концов Вальгаут склоняется перед силой новой религии и на смертном одре просит конунга крестить его и в знак этого Вальгаут просит, чтобы на месте его смерти была построена церковь.

Целый ряд памятных камней в Упланде был воздвигнут в память о людях, которые умерли «в белых одеждах». В такие одежды облачали во время обряда крещения, после чего их нужно было носить еще в течение недели.

Исландцы верили, что переход в новую веру давал конунгам невероятную силу и способность исцелять больных одним прикосновением. Наглядный тому пример представлен в ранее упомянутой «Пряди об Эгиле сыне Халля с побережья». Прядь знакомит с главным героем по имени Эгиль, который во время похода с Оловом конунгом идет против его воли и освобождает пленников. Но за то, что конунг пленил людей Лимафьорда, один колдун насылает хворь на весь корабль и в том числе на Эгиля, который освободил пленников. И только прикосновение Олова конунга исцелило его. В пряди об этом говорится так: «И вот Эгиль заболевает, причем так же тяжело, как те, кому больше всего досталось от этой хвори, - только что дух не вышел из него вон. И вот конунг идет к Эгилю и замечает, что тот очень слаб. Все вокруг говорят, что они не видывали более мужественного человека. Эгиль видит, что пришел конунг, и здоровается с ним как

полагается, однако конунг не отвечает на его приветствие. Затем Эгиль говорит:

– Я хотел бы попросить вас, государь, положить руку мне на грудь, потому что я все же надеюсь на снисхождение, хотя и не заслуживаю его.

Люди заметили, что конунг был глубоко тронут и промокнул глаза тканью. Затем он возложил руки Эгилю на грудь и сказал:

– Верно скажут, что храбрости тебе не занимать.

Рассказывают, что после его прикосновения, болезнь тотчас же начинает отступать и наступает облегчение, а когда конунг уходит, Эгилю час от часу становится все лучше и в конце концов он полностью исцеляется» [1, С.248-249]. Таким образом, мы видим пример веры в то, что конунг, принявший христианство, способен исцелять.

Неоднократно в прядях упоминается о борьбе христианства и язычества. Например, в «Пряди о Торвальде Путешественнике». Когда Торвальд возвращается домой из дальнего путешествия вместе со священником, он желает обратить всех своих близких, в первую очередь отца, в свою веру. Однако он встречает сопротивление. Кодран – отца Торвальда впечатлила проведенная священником месса: «Кодран стоял поблизости, больше из любопытства, чем из желания принять их обычай. Однако, когда он услышал колокольный звон и красивое церковное песнопение, почувствовал сладостный дух благовоний и увидел епископа в великолепном облачении и всех, кто ему прислуживал, одетых в белые одежды и с просветленными лицами, а еще увидел, какое большое сияние шло во всем доме от прекрасного света восковых свечей, а также увидел все другое, что сопровождало празднование, все это ему очень понравилось» [1, С.45]. Но он отказывается от новой веры, ссылаясь на то, что от его прорицателя больше толку: «Но у меня есть свой прорицатель, и мне от него много проку. Он предупреждает меня о множестве вещей, которые еще не произошли, оберегает мой скот и напоминает мне о том, что я должен сделать и чего я должен остерегаться. А потому я очень доверяю ему и

издавна его почитаю» [1, С.45]. И Торвальд идет на сделку с отцом: ежели священник сможет изгнать прорицателя из его неприступного жилища, то Кодран примет новую веру. На следующий день священник и его люди окропили валун – жилище прорицателя, святой водой и воспели молитвы. В ту же ночь прорицатель явился во сне Кодрану и просил его прекратить эти действия, так как несут они ему муки: «мои дети терпят немалые муки от жгучих капель, которые протекают внутрь с крыши. И хотя мне самому это и не причиняет большого вреда, все равно мне тяжело слышать плач моих малолетних чад, когда они кричат от полученных ожогов» [1, С.47]. На следующий день произошло то же самое, и так продолжалось до тех пор, пока священник не изгнал этот злой дух, после чего Кодран и его жена принимают крещение.

После открытия Исландии люди прибывали на остров целыми семьями. Создавались общины. На тот момент исландцы были язычниками. Компромисс позволил исландцам мирно принять новую религию и избежать разрыва с традициями.

Христианство было принято в порядке компромисса ради политической целесообразности. Это отражается, помимо прочего, и в том, что каждый участник альтинга сам выбрал, когда и где ему креститься, и многие не стали совершать обряд в ледяной воде Секирной реки — куда приятнее и удобнее принимать крещение в горячих источниках, к которым как раз можно заехать по пути домой с полей тинга [10, С.450].

Совсем скоро в Исландии произошли уникальные для мировой истории события, приведшие к тому, что все население далекого и холодного острова приняло абсолютно чуждую для их мировоззрения и образа жизни веру – христианство.

3.3 Представления исландцев о чести и благородстве

Древние исландцы очень благородные и честные люди, особенно это проявлялось в бою. Слава и честное, доброе имя – высшая цель жизни

викинга. В сагах и прядях часто встречается выражение: «Слава о человеке живет всего дольше».

В исландском обществе сильны родственные связи. Каждый член рода держал ответ за честь всей семьи, и оскорбление, нанесенное одному родичу, становилось осквернением целого рода. Такие устои были практически единственным способом защиты, когда законы еще не давали полной уверенности, и многое зависело от личной храбрости и мужества.

В исландском обществе была традиция отдавать сыновей на воспитание дальним родичам, либо к хорошим друзьям, чтобы из них получились настоящие викинги. Аналогичный обычай существовал в европейском рыцарском обществе – когда сына рыцаря отправляли послужить пажом к знатному и благородному барону.

Об этой традиции часто упоминается в прядях. В «Пряди о Харальде Гренландце» рассказывается, что у человека по имени Гудрёда и его жены Цицилии был сын по имени Харальд и «он был отослан на воспитание в Гренланд к Хрои Белому, и оттого, что он вырос там, его прозвали Харальд Гренландец» [1, С.199]. Таким образом, мы видим, что ребенок, зачастую, воспитывался вдали от дома, а по наступлении совершеннолетия возвращался домой.

Жизнь любого традиционного общества зависела от установленных в нем норм и ценностей. Право и мораль в таком обществе были очень близки, так как опирались не только на систему наказаний, но и на нравственные и религиозные убеждения, преступить которые было совершенно невозможно, ибо за это следовало жестокое наказание. Недаром человека, совершившего преступление, называли объявленным вне закона, он не только лишался всех прав, но и мог быть изгнан из общества.

Опасным преступлением считался обман, нарушение клятвы или обета верности, так как это было намеренное предательство. Такой поступок признавался страшным грехом, который оставлял след на всём роде. Скандинавы и исландцы были настолько честны и благородны, что при

заключении договора или клятвы залог не требовался, было достаточно честного слова и рукопожатия.

В «Пряди об Эгиле сыне Халля с Побережья» описывается, что, когда Олав конунг узнает об обмане Кнута конунга, он решает выставить против него большое войско, так как «он первым нарушил наш уговор о заключении мира, и теперь мы намерены подвергнуть разорению его страну и тем отплатить Кнуту конунгу за обман и предательство» [1, С.247].

Как уже говорилось, обман являлся серьёзным преступлением. А ложь скверным деянием. Лжеца наказывали точно также, как и предателя: в водах подземной реки. Согласно языческим представлениям в скандинавском аду их ждала смерть от утопления, которая повторялась до бесконечности [14, С.75].

Но не взирая на то, что обман считался грехом, он мог стать средством достижения цели, например, в «Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам» [1, С.76], главный герой – обманщик и выдает себя за другого ради достижения цели, а цель эта – обрести возлюбленную.

Недостойным деянием исландцы считали насмешки, особенно над незнакомцами. Считалось, что у насмешника тролль вырвет язык. За насмешки вызывали на поединок, чтобы отстоять свою честь.

Например, в уже упомянутой нами «Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам» [1, С.76], произошел поединок между Гуннаром и Фрейром, за то, что Гуннар обманывал людей, говоря, что он Фрейр, а затем, насмеялся над ним, говоря о его слабости.

В «Пряди о Торстейне с Восточных Фьордов», главного героя Торстейна высмеивают дружинники Магнуса конунга, за то, что Торстейн выглядел как неотесанный мужлан, да и к тому же чужак. Одна на его защиту встает конунг и надевает на него свой дорогой плащ, тем самым выказывая ему уважение, ведь Торстейн помог его другу Стюрбьёрну [1, С.360-361].

Не меньше осуждалась и вспыльчивость, ибо она говорила, что у человека нет выдержки. Существовала даже пословица «Умнее тот, кто уступает».

Также недостойным, постыдным поступком считалась месть сразу после убийства родича или побратима. Чем дольше человек выжидал удобного случая для мести, тем большую выдержку он проявлял и тем лучше исполнял свой долг. В «Саге о Греттире» было выражение, которое ярко отражает эту мысль: «Только раб мстит сразу» [6, С.76],

Подлым поступком являлось воровство. Интересен тот факт, что исландцы, так же, как и скандинавы, четко разделяли воровство и грабеж. Грабеж совершался открыто, человек, совершивший грабеж, не скрывал своего имени и лица. Воровство же - дело постыдно, совершалось втихую [14, С.44-45].

Нередко, в сагах и прядях приведены примеры конфликтов между родами или семьями. Такие раздоры нередко оканчивались тем, что один из соперников отдавался в руки другого, для того чтобы соперник придумал ему наказание.

Настоящим викингом считали человека мужественного, сильного, благородного и смелого. Кроме того, они были обязаны заботиться о своих товарищах и семье. Они не покидали своих друзей и достойных противников даже после смерти. Долгом выживших на полях сражений воинов считалась забота о погребении павших с обеих сторон, какой бы смертью они ни умерли.

Скандинавы боялись расстаться с жизнью вне поля брани – не совершив подвига, который остался бы в памяти поколений. Ибо умерших на полях сражений валькирии – девы битв, – в соответствии с представлениями того времени, относили в чертоги верховного бога Одина, а умершие в мирное время отправлялись в подземное царство богини Хель.

Кроме того, умерший герой продолжал жить в приумноженной им родовой славе и памяти потомков, в названном его именем мальчике. При

рождении младенца было принято называть сыном или дочерью своего отца. Эта традиция долгое время оставалась неизменной как в Исландии, так и по всей Скандинавии. В прядях мы неоднократно встречаем такие примеры, «Одного человека звали Торгрм, сын Халли» [1, С.327]. Встречаются примеры, где дитя называли сыном своей матери, например, «Храфн, сын Гудрун» [1, С.335].

Новый человек входил в состав своей семьи и мог рассчитывать на нее до тех пор, пока не становился взрослым. «Взрослыми» же исландцы становились к двенадцати – четырнадцати годам (в различных источниках упоминаются различные цифры), когда мальчик достигал половой зрелости, а девочка – брачного возраста.

Как уже говорилось, исландцы были хорошими воинами, поэтому смерть на поле брани идеализировалась. Напротив, бесчестьем для исландца считалась смерть от старости. Это объясняется тем, что смысл жизни понимался как служение роду, сохранение его чести и приумножении славы. Старый, больной или калеченный человек был обузой и малоценным членом общества, потому что не мог служить главным целям. «Смерть на соломе» – так еще называлась в сагах и прядях смерть от старости или от болезни, ибо умершего, по обычаю, перекладывали на пол, на расстеленную там солому. Умершие от старости попадали не в Вальгаллу, а в мрачное царство Хель. Для этого старики протыкали себя копьем, чуть позже это делалось на трупах. Свидетельства о ритуальных убийствах стариков и больных есть во многих источниках, в частности в «Войне с готами» Прокопия Кесарийского. Он пишет о германском племени герулов: «У них не полагалось продлить жизнь стариков или больных, но всякий раз, как кого-нибудь из них поражала болезнь или старость, он обязательно должен был просить своих родственников возможно скорее устранить его из числа живых. Тогда его родные, навалив большую и высокую кучу дров и положив этого человека на самый ее верх, посылают к нему кого – либо из эрулов, но не родственника, вооруженного ножом. Полагается, чтобы убийца этого человека не был ему

родственником. Когда убийца их родича возвращается к ним, они тотчас же поджигают всю кучу дров, начиная с самого низу, когда костер потухнет, они, собрав кости, тотчас же передают их земле» [5, С.83].

Но будет считаться заблуждением, что смерть от старости осуждалась. Почтенный возраст в эпической литературе ассоциируется с мудростью, кроме того Один всегда изображается стариком. В прядях также встречаются примеры заботы о стариках, их житейской мудрости, что было совершенно обычным делом. Например, в «Пряди о Вэльси» рассказывается о человеке, жившим на одном мысу в Норвегии:

«Жил на мысу
Старик достойный
С женою в летах
Своей старухой» [1, С.309]

Такие расхождения в источниках позволяют сделать вывод о том, что в повседневной жизни исландцев забота о наиболее слабых членах общества имела место, но была частным делом.

В исландском обществе особыми узами были связаны побратимы. Побратимы – это названные братья, ими становились юноши, которые выросли вместе, или воины, испытавшие друг друга в сражениях, так сказать «братья по оружию». Обряд побратимства происходил в торжественной обстановке, с соблюдением специальных ритуалов. Обряд состоял в следующем: побратимам необходимо пройти под полосой дерна, отделенной от земли и «подвешенной на копьях» с вырезанными на них рунами. Пройдя под своеобразными колонами, юноши приносят клятву верности друг другу, призвав в свидетели богов, затем они смешивали на земле свою кровь из надрезов на кисти. После этого побратимы, встав на колени, прикасались к смешанной с кровью землей и обменивались рукопожатием. Данная клятва обязывала побратимом всегда помогать друг другу и в бою, и в мирной жизни [14, С.80-81]. Вместе отправлялись они в морские походы, в схватках с неприятелями ставили рядом свои корабли; если же оба находились на одном

корабле, то один всегда становился впереди, возле мачты, где происходила самая жаркая битва [14, С.80-81]. Часто, окончив свои путешествия, они селились по соседству, помогая друг другу. В случае гибели одного названного брата второй всегда обязывался поддерживать его семью и отомстить за смерть друга.

Такой пример дружбы описан в «Пряди о Сёрли», где Сёрли и Хёгни принесли обет побратимства: «После того как Сёрли сразил Хагона, а Хёгни убил Эрлина конунга, отца Сёрли. Потом Хёгни и Сёрли вступили в поединок, и Сёрли был настолько изнурен и изранен, что не устоял перед Хёгни, но после Хёгни велел вылечить его, и они принесли обет побратимства и хранили его, покуда оба были живы» [1, С. 59-60]

Таким образом, обет побратимства являлся ключевым моментом в жизни исландца, после которого он обретал не врага, а нового друга, брата, с которым их связывала судьба до окончания их дней.

Подобно дружбе, ненависть скандинавов была страшна. Всякий, кто дорожил уважением других людей, не мог терпеть обиды или оставлять без отмщения смерть друга или родственника.

Норманны были жестокими, они считали, что человек, который никогда не видел крови не был мужественным, от такого человека мало чего ожидали. «Никогда не видел ты человеческой крови» – было позорным упреком для мужчины скандинава. Отомстивший за друга и брата, викинг всегда оставлял в ране убитого врага своё оружие, ибо оружие в то время было своеобразной визитной карточкой человека, по которой его всегда было легко опознать [14, С.80].

Как уже говорилось ранее, викинги высоко ценили храбрость, силу и мужество противников, и часто не сумевшие одолеть друг друга в бою, противники становились названными братьями.

Обычным явлением в Скандинавии в те времена была кровавая месть. Часто убивали не самого убийцу, а его наиболее уважаемого родича. Кровь могла быть смыта только кровью. Не отомстивший за убитого оставался

навек опозоренным. Сыновья не могли собрать поминки, не потребовав мести за отца.

Например, в «Пряди о Торгриме сыне Халли» приводится пример мести. За то, что Бьярни сочинил песнь, восхваляющую Кальва и в то же время унижающую Олова конунга, Торгрим, который был близким другом и соратником Олага конунга, приказывает своему сыну Иллуги убить негодяя, смыв позор с четного имени Олава конунга. Однако мальчик побоялся это сделать и сам Торгрим совершил правосудие, убив Бьярни [1, С.328].

Однако месть не всегда считалась верным и справедливым способом решения конфликта, часто дело переходило в руки закона. И, в уже упомянутой нами пряди, Кальв – который считался самым могущественным человеком в Грандхейме, в отсутствие конунга Норвегии Магнуса, говорит: «Скверное это дело, и оно не прибавляет чести ни нам, ни нашим гостям, как бы то ни было, оно будет рассмотрено в полном согласии с законом» [1, С.328-329] и созывает тинг.

Обвинение в убийстве беззащитных было оскорбительным. В обществе викингов месть индивидуальная превращалась в родственную месть, которая могла продлиться на протяжении нескольких поколений. Совершивший убийство должен был сразу же отправиться на двор ближайшей усадьбы и во всеуслышание объявить об этом. Если же в ближайшем доме жили родичи убитого, то убийца должен был дойти до следующего двора и сделать свое признание там. Наследство убитого считалось «резервным фондом» для отмщения убийце. Тем не менее убийство могло быть смыто не только кровью, но и выплатой виры – выкупа. Часто дело улаживалось простой сделкой. Сумма выкупа регулировалась законом. Как уже упоминалось, в «Пряди о Торгриме сыне Халли», говорится о вире, которая не была уплачена за Торгрима и поэтому он признается виновным [1, С.329].

Кроме того, закон стремился развести убийцу и родичей убитого, чтобы дать им время. Когда об убийстве было объявлено и дело собирались рассмотреть на тинге или альтинге, убийца оставлял свою усадьбу и

отправлялся в горы или в лес со своим родичами, они уходил в изгнание на сорок ночей. По прошествии этого времени убийца мог вернуться в усадьбу и предложить там выплатить виру. Если выкуп казался семье убитого неподходящим, то дело переносили до следующего тинга. Убийца повторял свое предложение и поступал так три раза в три года. Но, в случае отказа семьи убитого принять виру, убийца, с момента первого же их несогласия, оказывался в смертельной опасности – его объявляли вне закона, и он должен был вновь удалиться из дома [14, С.84-86].

Вира была довольно привлекательным предложением для землевладельцев, так как восполняла нанесенный урон, вызванный потерей работника или кормильца, но принятию виры мешали представления о чести и достоинстве викингов, ибо это считалось бесчестьем брать деньги за пролитую кровь родича. Скандинавы и исландцы считали, что, если отомстить за убийство, а не принять виру, то это будет хорошим уроком другим.

Уважая понятие о чести и благородстве, закон объявлял принявшего виру чистым от бесчестья. Кроме того, преступник с двенадцатью родичами, в присутствии свидетелей объявить, что сам удовлетворен суммой выкупа. Такая клятва называлась клятвой равенства и лишала преступника и его родню возможности издеваться над семьей убитого и обвинять их в трусости. Обиженная сторона, в свою очередь, приносила клятву примирения и уже не могла преследовать убийцу.

Также в скандинавском обществе разграничивали понятия убийства. «Позорное убийство» обозначалось словом «mórd», то есть убийство, совершенное без предупреждения, ночью, либо убийство спящего, либо ещё каким-либо другим ненадлежащим образом. «Открытое убийство» обозначалось словом «víg», т.е. убийство в бою или о котором совершивший его сообщал незамедлительно, и, таким образом, мог быть преследуем по закону либо мог заплатить виру родичам убитого.

Само по себе убийство далеко не всегда являлось злом, оно не одобрялось, но очень часто оно было необходимой защитой, ибо в обществе того времени не существовало тюрем и полиции, и люди были вынуждены сами заботиться о собственной безопасности [14, С.86-87].

Таким образом, исландцы строго следовали законам, нарушение которых влекло за собой гибель. Законы северянами строго соблюдались. В них они видели залог собственной безопасности и безопасности своей семьи и хозяйства. Честь и слава – были важными составляющими жизни скандинава.

Что же касается религии, язычество было неразрывно связано с мифами и легендами о богах и мифических существах. Об этом свидетельствуют многие письменные источники, такие как саги, пряди и конечно Старшая и Младшая Эдды. Введение христианства ознаменовало собой новый рубеж в развитии всего общества, меняя нормы морали и приводя к разрушению старых традиций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До IX века н.э. Исландия не была известна европейцам, да и вообще всему человечеству. Таким образом, этот остров стал одной из последних крупных территорий суши, открытой человечеством. Заселение Исландии заканчивается около 930 года. Именно в этом году был созван первый тинг, на котором решалась судьба всего народа.

По мере заселения в Исландии формируется и государственная система, складывается социальная структура, начинает распространяться новая религия – христианство.

Проанализировав тексты прядей и сравнив их с сагами, необходимо выделить специфические черты, присущие им.

Главное отличие заключается в том, что саги – это крупное эпическое произведение имеющее географическую привязку. Пряди же – это короткие рассказы, включенные в сагу, либо дополняющие её, которые повествуют о действиях главного героя в тех или иных ситуациях, сохраняя при этом свою самостоятельность.

Характерными чертами прядей является то, что главный герой пряди – простой исландец, который вступает в конфликт с влиятельными людьми и, в отличие от саги, где чаще всего герой трагически погибает, в прядях герой и могущественный антагонист идут на уступки друг другу.

В отличие от саг, в прядях нет подробного описания генеалогического древа, они рассказывают о наиболее знаменитом и влиятельном представителе того или иного рода, повествуя о его невероятных приключениях в других странах.

Что же касается авторства саг и прядей, об этом практически не известно, лишь изредка переписчик может назвать автора.

Говоря о взаимодействии саги и пряди, можно выделить одну из главных функций прядей – показать через демонстрацию поведения

исландца характерные черты личности главного героя саги – самого государя, раскрывая его как положительные, так и отрицательные стороны.

На основе анализа исландских прядей можно выделить характерные черты, присущие Исландии.

Во-первых, законодательными и судебными органами были тинги Исландии во главе с альтингом. На них разбирались сложные вопросы, судебные тяжбы, принимались важные решения и законы. Кроме того, тинги играли центральную роль в общественной жизни Исландии. А в силу отсутствия органов исполнительной власти сами исландцы должны были следить за исполнением законов и судебных решений, поэтому в Исландии законы имели священный статус.

Во-вторых, исландское общество носило бессловный характер, несмотря на наличие неярко выраженного социального расслоения. Само по себе социальное расслоение имеет имущественный характер. Частная собственность хоть и не играет решающую роль в жизни исландцев, поскольку каждый может свободно сменить свой социальный статус, однако это дает нам ключ для понимания государственного устройства. Основной особенностью данного общества является отсутствие монархической власти, поэтому данный период в истории получил название «эпоха народовластия». Большинство членов этого общества имело равные права перед законом. На практике, конечно, равенство перед законом дополнялось институтом патроната и клиентеллы (взаимных обязательств), которые обеспечивали соблюдение прав рядовых граждан при отсутствии судебных исполнителей.

В-третьих, в области религии исландский народ также пошел своим путем. Первые поселенцы в Исландии были язычниками, которые имели богатую мифологию, национальные идеи и фольклор. После объединения Исландии и установления альтинга в 930 г. старая вера еще больше укрепилась и до конца X века Исландия оставалась языческой страной. Официальное принятие христианства в Исландии (в 1000 г.) было любовной сделкой между язычниками и христианами. Христианство было

принято в порядке компромисса ради политической целесообразности. Стоит заметить, что сама по себе идея христианства была не нова для первых переселенцев. Однако удаленность от материка и практическое отсутствие торговых связей задержали приход христианства и на несколько десятилетий укрепили позиции язычества.

В-четвертых, рассматривая данное общество стоит сказать об особом статусе скандинавской женщины и ее положение в обществе.

В отличие от большинства стран мира, Скандинавия, в том числе и Исландия, славилась своими сильными и волевыми женщинами. Причиной такого женского поведения стал тот момент, что исландские мужчины большую часть своей жизни проводили в походах и женщинам приходилось в одиночку справляться со всеми заботами.

Специфика исландского менталитета заключается в равном положении мужчины и женщины, насколько это было возможно для Средних веков.

В частности, были обозначены имущественные и наследственные права женщины, ее статус в браке. Однако, наличие многих форм брачных отношений и сожителства, несколько ограничивали ряд женщин, например, наложниц, в осуществлении таких прав.

С социальной точки зрения статус женщины определялся ее рождением: свободной или рабыней. Последние не имели никаких прав.

Образы, которые являют женщины в древнеисландском обществе, могут быть представлены так: мать, жена, сестра, дочь, любовница, воспитательница, колдунья, богиня, воительница, подстрекательница, повелительница и многие другие.

Большое количество образов говорит о разносторонних функциях и ролях, которые выполняла женщина в средневековой Исландии. Множество выполняемых функций подчеркивает важность женщины, как части исландского общества.

В-пятых, основываясь на литературных источниках можно сказать, что древние исландцы очень благородные и честные люди. Слава и честное,

доброе имя – высшая цель жизни викинга, который не боялся смерти. Опасным преступлением был обман, нарушение клятвы или обета верности. Такой поступок признавался страшным грехом, который оставлял след на весь род. Оскорбление одного, было оскорблением всего рода, поэтому в исландском и скандинавском обществе большую роль играет кровная месть.

Подводя итог нашей работе хотелось бы отметить, что история Исландии имеет свои определенные, характерные только ей черты: бесклассовое общество, отсутствие королей и конунгов, примерное равное положение мужчины и женщины, а также «мягкое» принятие христианства.

Из этого можно сделать вывод о том, что общество, пусть и оторванное от центров цивилизации, может жить и развиваться независимо от окружающей обстановки. Отсутствие внешних врагов и удаленность от материка имели положительное значение для развития общества, не характерное для средневеково-европейского.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. Исландские пряди /сост., перевод Гуревич Е.А., отв. ред. Смирницкая О.А. – М.: Наука, 2016. – 1007 с.
2. Исландские саги. / [Пер. с древнеисл.], общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. в 2 т, Т-I. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 645 с.
3. Исландские саги. / [Пер. с древнеисл.], общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. в 2 т, Т-II. – М.: Языки русской культуры, 2004. – 608 с.
4. Поэзия скальдов. / Отв. ред. Стеблин-Каменский М.И. – Л.: Наука, 1979. – 184 с.
5. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. / [Пер. с греч. С.П. Кондратьева]. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. – 917 с.
6. Сага о Греттире. / Подг. изд. Смирницкая О.А., Стеблин-Каменский М.И. – Новосибирск: Наука, сибирское отд., 1976. – 176 с.
7. Сага об Эгиле. // Исландские саги. Пер. Иван Михайлович Стеблин-Каменский, В. П. Берков, С. Д. Кацнельсон – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. – 114 с.
8. Скандинавский эпос: Старшая Эдда. Младшая Эдда. Исландские саги / [Пер. Корсун А.И., Стеблин-Каменский М.И., Смирницкая О.А.] – М.: АСТ, 2008. – 864 с.
9. Снорри Стурлуссон. Круг земной. / изд. подг. Гуревич А.Я., Кузьменко Ю.К., Смирницкая О. А., Стеблин-Каменский М.И. – М.: Наука, 1980. – 691 с.

Литература

10. Байок, Дж. Л. Исландия эпохи викингов / Дж. Л. Байок. – М.: Астрель: Corpus, 2012. – 912 с.
11. Бондаренко, Г.В. Мифы и общество древней Ирландии / Г.В. Бондаренко – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 476 с.
12. Буайе, Р. Средневековая Исландия / Р.Буайе. – М.: Вече, 2009. – 367 с.

13. Буайе, Р. Викинги. История и цивилизация / Р.Буайе ; [Пер с франц. М. Ю. Некрасов]. – С-П.: Евразия, 2012. – 416 с.
14. Будур, Н. Повседневная жизнь викингов. IX-XI века / Н.Будур. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 503 с.
15. Грёнбек, В. Эпоха викингов. Мир богов и мир людей в мифах северных германцев [Пер. с англ. Е. В. Ламановой]. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2019. – 608 с.
16. Гуревич, Е.А. Древнескандинавская новелла: поэтика «прядей об исландцах» / Е.А. Гуревич. – М.: Наука, 2004. – 424 с.
17. Гуревич, А.Я. Избранные труды: В 2 т. Том 1: Древние германцы. Викинги / А.Я. Гуревич. – С- П.: Издательство Фонда поддержки науки и образования «Университетская книга», 1999. – 352 с.
18. Гуревич, А.Я. Избранные труды. Норвежское общество / А.Я. Гуревич. – М.: Традиция, 2009. – 470 с.
19. Гуревич, А.Я. История и сага. – М.: Издательство «Наука», 1972. – (Серия «Из истории мировой культуры»). – 202 с.
20. Гуревич, А.Я. Походы викингов / А.Я. Гуревич. – М.: КДУ, 2005. – 208 с.
21. Гуревич, А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М.: Искусство, 1981. – 360 с.
22. Джонс, Г. Викинги. Потомки Одина и Тора / Пер. с англ. З. Ю. Метлицкой. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2003. – 448 с.
23. Джонс, Г. Норманны. Покорители Северной Атлантики – М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. – 301 с.
24. Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье / Отв. ред. Г.В. Глазырина; Отв. секретарь С.Л. Никольский; [Отв. ред. сер. Е.А. Мельникова]. – М.: Вост. лит., 2001. – 472 с.

25. Догерти, М. Дж. Мир викингов. Повседневная жизнь Детей Одина [Пер. с англ. В. Л. Силаевой]. – Москва: Издательство «Э», 2015. – 224 с.
26. Дэвидсон, Х. Древние скандинавы сыны северных богов / Х.Дэвидсон; [Пер. с англ. А.Б. Давыдовой]. – Москва: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 186 с.
27. Исландская женщина. Мифы, история и яркие представительницы страны. URL: <https://iceland.account.travel/blog/icelandic-women> (дата обращения :20.05.2020)
28. Кан, А.С. История скандинавских стран: Учеб. пособие. – 2-е изд., исправл. и доп. – М.: Высш. школа, 1980. – 311 с.
29. Колум, П. Дети Одина / П.Колум; [Пер. с англ. М. Тюнкиной]. – М.: Издательство Независимая Газета, 2001. – 220 с.
30. Кэртин, Дж. Легенды и мифы Ирландии /Дж. Кэртин; [Пер. с англ. Л.А. Игоревского]. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 223 с.
31. Лайсафт П., Михайлова Т. Банши: Фольклор и мифология Ирландии. Пер. в англ. – М.: ОГИ, 2007. – 184 с.
32. Ласкавый, Г. В. Викинги: Походы, открытия, культура. – Минск: МФЦП, 2004. – 322 с.
33. Михайлова Т.А. Ирландия от викингов до норманнов: Язык, культура, история /Т.А. Михайлова. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 400 с.
34. Никольский, С. Л. О характере участия женщин в кровной мести: Скандинавия и Древняя Русь / С. Л. Никольский // Древнейшие государства Восточной Европы / ред. Г. В. Глазырина. – М.: Восточная литература, 2001. С. 160-169
35. Ольгейрссон, Э. Родовой строй и государство в Исландии /Э.Ольгейрссон; [Пер. с исл. Беркова В.П.] / ред. Стеблин-Каменский. М.И. – М: Издательство иностранной литературы, 1957. – 336 с.

36. Рамбо, А; Лависс, Э. Эпоха крестовых походов. – Смоленск: Русич, 2002. – 347 с.
37. Роэдаль, Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом/ Э.Роэдаль; [Пер с датс.]. – С-П.: Всемирное слово, 2001. – 272 с.
38. Сванидзе А.А. Викинги – люди саги: жизнь и нравы / А.А. Сванидзе. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 800 с.
39. Семья и брак викингов. Роль женщины в обществе. URL: <https://fjord.su/article/semya-i-brak-vikingov-rol-zhenshchiny-v-obshchestve.html> (дата обращения: 21.04.2020).
40. Симпсон, Ж. Викинги: Быт, религия, культура / Ж. Симпсон. – М.: Центрполиграф, 2005. – 239 с.
41. Славяне и скандинавы: [Пер. с нем. Лебедева Г. С.]. Общ. ред. Е. А. Мельниковой. –М.: Прогресс, 1986. – 416 с.
42. Сойер, П. Эпоха викингов /П. Сойер. – Санкт-Петербург: Евразия, 2006. – 353 с.
43. Стеблин-Каменский, М.И. Культура Исландии / М.И. Стеблин-Каменский. – Л.: Наука, 1967. – 186 с.
44. Стрингольм, А.М. Походы викингов /А.М. Стрингольм. – М: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 736 с.
45. Страны и народы: Науч.-попул. геогр.-этногр. изд. в 20 тт. Зарубежная Европа. Общий обзор. Северная Европа / отв. ред. В.П. Максаковский, С.А. Токарев и др. – М: Мысль, 1981. – 269 с.
46. Успенский, Ф. Б. Из истории непристойного: явные и скрытые смыслы одного прозвища в средневековой Норвегии XI-XIII вв./Ф.Б. Успенский // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика. – М., 2008. – 380 с. (207-224)
47. Успенский, Ф.Б. Люди, тексты и вещи. Из истории культуры средневековой Скандинавии/ Ф.Б. Успенский. – М.: Форум, Неолит, 2015. – 256 с.

48. Функции женских образов в «сагах об исландцах». URL: <https://cyberpedia.su/22x4436.html> (дата обращения: 10.06.2020)
49. Хейвуд, Д. Люди Севера: История викингов 793-1241/ Д. Хейвуд. – М.: Альпина Диджитал, 2015. – 246 с.
50. Хьяульмарссон, Й. Р. История Исландии / [Пер.с англ.].М.: Издательство «Весь мир», 2003. – 240 с.
51. Черная, Л.В. Скандинавская женщина эпохи викингов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skandinavskaya-zhenschina-epohi-vikingov> (дата обращения 25.08.19).
52. Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации». Викинги: Набеги с севера. / [Пер. с англ. Л. Флорентьева] – М.: ТЕРРА, 1996. – 168 с.